коп.

Е. Полевой

По ту сторону китайской границы

Белый Харбин

ГОСударственное
ство

Е. ПОЛЕВОЙ

ПО ТУ СТОРОНУ КИТАЙСКОЙ ГРАНИЦЫ

БЕЛЫЙ ХАРБИН

1930 ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр

Предисловие 3
Белый Харбин статически 5
Белый Харбин за работой 14
Обыватель 24
Китайский Харбин 33
Хунхузы 4
Войска, полиция, администрация 55
Суд и адвокатура в ОРВП 65
Рабочий Харбин 73
Южная Маньчжурия 8

Главлит № А—6424 Гиз А—19 № 38180 Зак. № 480 $5^1/_2$ л. Тираж 15000 экз.

Типография Госиздата «Красный пролетарий». Москва, Краснопролетарская ул., 16.

РЕДИСЛОВИЕ

События, развернувшиеся летом 1929 года в Харбине, имели своим последствием возникновение серьезного и длительного советско-китайского конфликта, надолго приковавшего к себе внимание всей советской общественности. Каждый день приносил с собою все новые и новые подробности этих событий, и то естественное возмущение, которое они вызывали в каждом советском гражданине, невольно возбуждало в читателе коротеньких газетных сообщений о них живой интерес к той обстановке, на фоне которой эти события разыгрались и приобрели такой своеобразный колорит.

Почти с самого начала этих событий стали поступать сведения о чрезвычайной активности и даже непосредственном участии в них находящихся в Китае, и в частности в Харбине, белогвардейских элементов, а затем даже и о неоднократных попытках быстро сформировавшихся белогвардейских банд вторгнуться на территорию СССР. Те же сообщения систематически констатировали массовые аресты, избиения и даже убийства советских граждан в Харбине и на линии КВЖД, полный развал на дороге, стремительное падение китайского доллара, закрытие банков, торговый кризис, повальное бегство значительной части мирного населения со всей линии КВЖД в Харбин, а оттуда—на юг, развал в китайских войсках и наконец крайнее усиление деятельности хунхузов.

Вся совокупность этих довольно разнообразных явлений остается в конце концов не вполне понятной для каждого, не имеющего хотя бы приблизительного представления о той обстановке, в которой возник советско-китайский конфликт и на фоне которой он развернулся и вылился в определенные формы.

Предлагаемые очерки отнюдь не претендуют на полноту и законченность отображения этой обстановки. Наоборот, это подчас случайные и не вполне систематизированные наброски того, что отпечатлелось в памяти автора за

время его пребывания в Китае и Харбине. В связи с этим из них даже намеренно устранены всякие попытки что-либо объяснить, установить полную причинную связь событий. Но тем не менее они дают общее представление о той атмосфере, в которой в течение последних пяти лет пришлось жить и работать на КВЖД советской части ее управления, и могут дать ключ если не к полной расшифровке развернувшихся событий, то во всяком случае к более полному и более верному пониманию породивших их условий, внутренней связи между отдельными их моментами и их общей значимости.

БЕЛЫЙ ХАРБИН СТАТИЧЕСКИ

В наши дни Харбин производит чудовищно странное впечатление. Когда вы попадаете в этот город, вы как-то почти не чувствуете себя за границей. Кругом—русские лица, вы слышите почти исключительно русскую речь, на улицах магазины с русскими вывесками, во всех углах города—православные церкви, даже на углах улиц то тут, то там торчат типичные старые русские „городовые“ в несколько обновленной китаизированной форме. Только мелькающие на каждом шагу китайские физиономии и костюмы напоминают вам о том, что вы находитесь на территории суверенного Китая. И тогда начинает казаться, что весь этот город случайно вырвали из какого-то далекого дореволюционного российского захолустья, искусственно пересадили на чужую почву, отрезали границей от территории и от истории породившей его страны, привили ему какие-то нелепые ростки самого банального и пошлого современного американизма с его фокстротами, сода-виски и чавкающими за каждым ресторанным столиком бизнесмэнами, да так и оставили в таком анахроническом состоянии совершенно противоестественного соединения самых разнообразных и плохо сливающихся в единое целое элементов.

Все это однако так только до тех пор, пока мы подходим к этому городу в трафаретно-национальном разрезе и делим его элементы на „русский“ и „нерусский“. Но если от этих понятий мы отойдем в сторону живой современности и подставим вместо них понятия „советский“ и „несоветский“, то картина немедленно резко изменится, и окажется, что в этом русском городе, как будто вынырнувшем из тьмы ушедшей в область истории дореволюционной эпохи, нет ничего подлинно советского кроме нескольких тысяч русских рабочих, сравнительно небольшой группы советских работников, нескольких филиалов советских торговых и промышленных предприятий и Советского генерального консульства. Все остальное, что по внешнему виду кажется „русским“,—это остатки беженской накипи

Дальнего Востока, это та плесень, которая была смыта волной революции с бесконечных пространств старой России и теперь смрадно догнивает в харбинском тупике.

Харбин полон беженцами, или, как их принято сейчас называть, эмигрантами, самых разнообразных типов.

Здесь есть тот панический обыватель, который десять лет назад бежал, не отдавая себе точного отчета в том, почему он это делает, бежал просто потому, что все бежали, и потому, что страшно и странно было оставаться, когда все почему-то бегут. Добежав до Харбина, он опомнился, расслоился и разложился: частью ушел в какие-то мелкие спекуляции, частью оброс местным мохом и приспособился, забыв о своей прежней жизни и превратив Харбин в свое новое отечество, из которого ему никуда не хочется ехать, частью потянулся даже назад. Этот обыватель в подавляющем большинстве своем совершенно аполитичен, не держит никакого камня за пазухой, и только страх пережитого, страх перед неизвестным да злобное шипение местной белой прессы заставляет его сплошь и рядом держаться в стороне от всего советского или даже мечтать о политической реставрации.

Другой тип беженца-эмигранта—это бывшие люди, те, которых революция и Октябрь свалили с каких бы то ни было, хотя бы самых маленьких, высот. В этой категории людей можно встретить и бывших предводителей дворянства и бывших колчаковских министров; профессоров с убеждениями и без таковых; адвокатов, имевших крупную практику; видных когда-то общественных деятелей всевозможных направлений, оставшихся не у дел после победы Октября; занимавших положение царских чиновников и помещиков, выбитых революцией из своих насиженных „дворянских гнезд", закопавших в таинственных углах своих столетних запущенных садов остатки фамильного серебра и превратившихся в голых людей на голой земле. Эти тоже успели уже приспособиться, разложиться и расслоиться. Часть из них превратилась в мелких дельцов-спекулянтов в самых разнообразных закоулках жизни, другая—просто опустилась на смрадное харбинское дно, третья—сохранила в полной неприкосновенности всю свою прежнюю озлобленность против революции и ненависть к тем, кто вынес ее на своих плечах, и превратилась как бы в идейную головку продолжающей оставаться активной части антисоветской эмиграции. Этот сорт людей неустанно

брюзжит, шипит и клевещет, стараясь действовать, чтобы не умереть окончательно политически. Он возглавляет всевозможные белогвардейские организации, издает антисоветские газеты, устраивает антисоветские и фашистские демонстрации, заказывает раза два в год панихиды по Николае II и недавно еще выражал в многочисленных телеграммах, посылавшихся обязательно „от имени угнетенного русского народа“, свои верноподданнейшие чувства „верховному вождю государства российского“ не так давно умершему бывшему великому князю Николаю Николаевичу. Нет той лжи, бессмыслицы и клеветы, которая не подхватывалась бы, не раздувалась бы и даже просто не придумывалась бы этими людьми, если только она хоть как-нибудь может бросить тень на советскую власть.

Наконец третий сорт современных харбинских эмигрантов—это те, кто не просто бежал по инерции или сознательно, а активно боролся с советской властью и ее Красной армией на фронте гражданской войны и отступал постепенно на китайскую территорию с оружием в руках. Это главным образом бывшие офицеры всяких формаций, служившие в армиях и отрядах генерала Каппеля и адмирала Колчака, атаманов Дутова, Семенова, Красильникова, Волкова, Калмыкова и барона Унгерна и многих других, которых в победном шествии революции пятая Краснознаменная армия постепенно загнала в манчьжурский тупик и заставила сложить там оружие. В подавляющем большинстве своем это люди, почти со школьной скамьи попавшие на фронт империалистической или гражданской войны и затем в течение долгих лет беспрерывно воевавшие и не знавшие никакого другого дела и никакой другой обстановки кроме старой вонючей походной казармы. В этой казарме они опустились и одичали, утратили человеческий облик, превратились в каких-то профессионалов войны, не умеющих ни ориентироваться, ни существовать в мирной обстановке. Это те кадры, которые может в любой момент завербовать какая угодно военная авантюра; это те люди, которые готовы продать по сходной цене свою застарелую привычку к походу и к сидению в окопах в любые руки, лишь бы вербующий их авантюрист написал на своем знамени хоть какой-нибудь самый затасканный антисоветский или антикоммунистический лозунг, ибо ненависть ко всему советскому и большевистскому впитана их организмами годами,

и от этого яда коммунизмоненавистничества они уже никогда не смогут освободиться.

Особую разновидность харбинских эмигрантов, постепенно сложившуюся из всех их категорий, составляют те, которые ради куска хлеба, теплого местечка, а иногда и в силу тех или иных политических соображений изменили даже своей затрепанной за годы войны и революции идее „родины". Это люди, принявшие китайское подданство или устроившиеся на китайскую службу.

Первую их категорию породила и размножила главным образом КВЖД. Мукденское соглашение между правительством СССР и автономным правительством Трех восточных провинций Китая определило, что на службе КВЖД могут состоять только граждане СССР или подданные китайской республики. И когда это постановление Мукденского соглашения начало проводиться в жизнь, огромному количеству русских, частью служивших на дороге и до революции, частью пристроившихся на ней после бегства с советской территории и превращения в эмигрантов, пришлось решать вопрос о том, что предпочесть: сдать свои прежние принципиальные или непринципиальные убеждения и позиции, зарегистрироваться в советском гражданстве и остаться на дороге или ничего этого не делать и уйти с насиженных и кормивших их мест. И огромное количество людей страховало себя от этой дилеммы тем, что принимало китайское подданство и становилось таким путем неуязвимым для советской части управления дорогой, естественно стремившейся очистить аппарат от белогвардейских элементов.

Вторая категория этих людей—это те, которые пристроились непосредственно на китайскую службу. Ими буквально пропитан весь харбинский административный и судебный аппарат. На них наталкиваешься всюду, на каждом шагу: они сидят в полиции, в налоговом аппарате, в суде, в китайском муниципалитете, в земельном управлении, в штабе, в качестве советников, чиновников, судебных и полицейских приставов, переводчиков, контролеров и ревизоров, действуют систематически и упорно, обволакивая китайских чиновников своим повседневным влиянием, заражая их антисоветским злопыхательством, клевеща и измышляя всевозможные против них козни коммунистов, провоцируя и вредничая по мелочам, добиваясь таким образом органи-

зации беспрерывных гонений на советских работников и всю советскую общественность Харбина.

Наконец третья категория тех же людей—это люди, продающие безостановочно воюющим уже много лет подряд китайским генералам свою привычку лежать в грязном окопе, сидеть в вонючей казарме и стрелять из винтовки. Гражданская война в Китае не доходит до Харбина, она идет много южнее, а потому и эти наемники китайских военных авантюристов под предводительством своего шефа—генерала Нечаева—воевали обычно вне Харбина и соприкасающихся с ним районов, которые являлись для них глубоким тылом. Но и в Харбине сплошь и рядом можно было встретить на улице типичного русского офицера, переодетого в китайскую военную форму, в большинстве случаев ведущего себя по шаблону всякого старого офицера, к тому же опустившегося до предела, вырвавшегося из грязи окопа на побывку в тыл, часто не совсем трезвого или просто пьяного, иногда скачущего с диким гиканьем на извозце по главным улицам города, иногда мчащегося в соответствующей пьяной компании на автомобиле и всегда готового на любой пьяный дебош или какой угодно эксцесс. Это в существе своем люди, уже давно сжегшие все свои корабли, а с ними даже и самые крохотные идейки, когда бы то ни было копошившиеся в их атрофировавшемся мозгу, люди, которым терять уже нечего, которые могут безжалостно и безудержно прожигать свою жизнь.

Впрочем нужно сказать, что почти вся харбинская эмиграция в подавляющем большинстве своем и за очень редкими, единичными, исключениями состоит сейчас из таких потерявших себя людей. Как бы ни кричали харбинские белогвардейские газеты, как бы ни злопыхали отдельные апологеты безвременно скончавшейся „белой мечты“, как бы ни раздувалась лягушка харбинского беженства в своем стремлении превратиться в белого коня, на котором можно было бы въехать непосредственно в Москву для того, чтобы посадить на „российский престол“ какого-нибудь коронованного идиота,—видно на каждом шагу, что все „белые мечты“ давным-давно похоронены, что у этих жалких, выброшенных за борт жизни, людей не осталось в душе никаких признаков подлинной надежды и веры в свою правоту и свои силы, а на их месте образовалась роковая, ничем не заполненная пустота, которую можно иногда залить вином, а иногда начинить всякой требухой

пленительного, но никого не утешающего и не дающего никаких надежд, самообмана.

Эта зияющая пустота и необходимость заполняющего ее самообмана и порождала в течение всех последних лет тот поток мелкого и гнусного вредительства, который выливался в форме то безграмотной фальшивки, то покушения на советского представителя, то организации налета на советское консульство и заменял собою прежний фронт гражданской войны и пепеляевские походы из Аяна на Москву, ставшие уже не по плечу разложившемуся и одряхлевшему беженству.

Загнанное в беспросветный тупик американизированного харбинского захолустья, утерявшее последние силы и последнюю веру в свое будущее, это беженство не могло обходиться без таких мелких и подлых гнусностей, как без привычного наркоза, который хоть на несколько дней или часов порождает какие-то иллюзии. Были годы напряженной борьбы, когда эти люди докатывались до Волги и Камы, когда Деникин брал Орел, а Юденич угрожал Ленинграду и на устах их всех была одна фраза: „Капут большевикам! Через месяц будем в Москве!“ Не вышло... Был Кронштадт и волнения в Сибири, была меркуловщина в Приморье—и снова казалось: „Скоро, скоро! Большевикам приходит конец!“ Не вышло... Был страшный голодный год, и эти люди снова ликовали в душе: „Вот он, конец большевистского царства!“ Не вышло... А годы шли. Безусые мальчики превращались в зрелых мужчин, старики сходили в могилу, сильные и здоровые мужчины незаметно изнашивались и переступали порог старости. Кругом шла какая-то ненужная, чужая жизнь, шла мимо, не задевая нутра, томительное ожидание затягивалось, временное и случайное становилось длительным и постоянным; а Москва, Самара, Казань, вообще все свое, родное, насиженное, привычное—отодвигалось все дальше и дальше, едва мерещилось в тумане полузабытого прошлого, оставалось запретным и недоступным.

Можно было запеть под пьяную руку в ночном кабаке:

Есть на Волге городочек...
Вспомни, что было...

Но вспоминать становилось все труднее и труднее.

Можно было в пьяном угаре хватить кулаком по столу и икотно зарычать:

Эх, шарабан мой, да шарабан!
Не будет денег, — тебя продам...

Но нельзя было вернуться домой, нужно было сидеть и жить дальше в этом тупике без всякой надежды на выход из него, на возвращение. До каких же пор? Еще год, два, десять, пятнадцать, двадцать лет? До тех пор, пока уже будет совершенно наплевать, где и как подохнуть?

Нет, так жить нельзя.

Тьмы низких истин нам дороже
Нас возвышающий обман...

И обман немедленно вырос там, где жизнь без него становилась сплошным давящим кошмаром. Правда, обман не „возвышающий", а самый низкопробный, пошлый, дурацкий, рассчитанный на опустившиеся, отупевшие и одичавшие человеческие мозги.

Язык дан человеку для того, чтобы скрывать истину, и этот язык „заработал" на страницах белой прессы. Когда пала последняя цитадель выродившейся „белой мечты" во Владивостоке, когда сумасшедший барон Унгерн был взят в плен Красной армией и увезен в Новосибирск, когда иссякли все Кронштадты, когда правительство СССР было признано Китаем де-юре и начались переговоры о передаче ему КВЖД, когда краса и гордость колчаковского правительства—его премьер-министр П. В. Вологодский—принял китайское подданство,—эта пресса только то и делала что стала просто измышлять. В течение ряда последних лет в редком номере харбинского „Совета", „Русского голоса", „Русского слова" и других органов белогвардейских вещаний нельзя было не прочитать о „крупных крестьянских волнениях, охвативших несколько губерний", о сражениях на улицах Москвы, о массовых расстрелах, о покушении на Сталина или Рыкова, о восстании в Красной армии и т. д. и т. д. Вся эта дребедень измышлений шилась белыми нитками.

1 мая 1927 г. около 11 часов утра по улицам Харбина побежали газетчики, бойко продававшие экстренный бюллетень, содержавший одну лишь телеграмму о том, что в этот же день в Москве во время первомайской демонстрации на Красной площади вспыхнуло восстание и советская власть свергнута. Достаточно было сообразить, что эта телеграмма появилась на улицах Харбина уже в напечатанном виде в то время, когда часы в Москве по-

казывали только половину пятого утра, а „поднявшие восстание демонстранты“ еще мирно спали в своих постелях, чтобы расшифровать вздорность ее содержания. Но разве доброкачественность преподносимого имеет какое-либо значение в подобных случаях? Ведь вздор все равно будет расшифрован—если не сегодня, так завтра; не завтра, так через месяц. Дело не в этом,—дело в том, что такая телеграмма—лишний шприц морфия в дряблое и умирающее тело „рыцарей белой мечты“, облаченных в китайскую военную или полицейскую форму или мирно щелкающих на счетах в управлении дороги под новой личиной „китподданых“. Их этот вздор окрылит надеждами на несколько минут или часов, а может быть позволит им просуществовать без мысли о крючке, на котором можно было бы повеситься, один лишний день. Сдавшийся в июне 1923 г. Красной армии в Аяне генерал Пепеляев, когда его судили в Чите, на вопрос председателя Военного трибунала о том, как же он мог представить себе, чтобы из Аяна с горсточкой плохо вооруженных людей можно было дойти до Москвы, ответил: „Но ведь в харбинских газетах ежедневно писали, что вся Якутия и почти вся Россия охвачены грандиозными восстаниями против советской власти, которые нужно только объединить. И мы думали, что при помощи якут быстро дойдем до Иркутска, а оттуда двинемся и на Москву“.

Так на месте прежней „белой мечты“ вырастает рожденный сознательной ложью „идейных“ руководителей антисоветского беженства тяжелый и душный „белый бред“. Те политические проходимцы и шарлатаны, которые собственноручно ткут эти узоры, конечно знают им настоящую цену. Одичавшая и опустившаяся эмигрантская толпа давно утратила способность отличать вздор от правды, и потому каждая нелепейшая строчка совершенно очевидной для свякого здравомыслящего человека брехни принимается ею за чистую монету.

И именно поэтому в довольно многочисленных и разнообразных в своем составе кадрах современной харбинской белой эмиграции нет ничего более жалкого, ничего более тупого, а потому и ничего более способного на какую угодно политическую гнусность, чем эти утратившие всякую способность логически мыслить статисты российской контрреволюции. Они действительно всегда готовы на все— на любое преступление, на любое гнуснейшее предатель-

ство, на какую угодно политическую низость, лишь бы так или иначе уязвить тех, кто стоит сейчас у власти в той стране, двери которой для них закрылись навеки. В зависимости от своих индивидуальных склонностей и технических способностей они готовы по любому заказу готовить безграмотные политические фальшивки и подделывать советские червонцы; стрелять в советских представителей или устраивать набеги на советскую территорию; одеваться в китайские военные мундиры и устраивать еврейские погромы; усыпать розами путь всякой иностранной армии, которая попыталась бы перейти границы СССР, и лизать грязные сапоги любого китайского маршала или даже его судомойки, если этот маршал, хрипло икнув после сытного обеда, изволит выразиться неодобрительно о коммунистах; изображать из себя благоговейно молящуюся толпу на панихидах по „зверски убиенном большевиками императоре всея России" и врываться в советские консульства в погоне за вездесущим Коминтерном и плохо лежащими деньгами.

Не уставшие еще надеяться на возврат прочно похороненного Октябрем любезного их сердцу прошлого большие акулы и идейные вдохновители российской контрреволюции хорошо учитывают эти способности окружающей их мелкой шпаны эмигрантских кадров и умеют их использовать в надлежащее время и в надлежащем месте. И в своеобразной и неповторимой в других местах харбинской обстановке они прежде всего обволакивают этими выплеснутыми из Советской страны человеческими помоями весь китайский административный и судебный аппарат Харбина для того, чтобы заставить его лить воду на их мельницу и загребать китайскими руками тот жар, который не дается в их собственные руки.

БЕЛЫЙ ХАРБИН ЗА РАБОТОЙ

Каждого, кому приходилось за последние годы переезжать через границу СССР и Китая между 86-м разъездом Забайкальской железной дороги и ст. Маньчжурия КВЖД, всегда сразу поражало одно обстоятельство: как только поезд остановился у перрона ст. Маньчжурия, в вагон входили 2—3 китайских офицера в сопровождении стольких же китайских солдат и одного или двух русских одетых в энглизированную форму таможенных чиновников. На фоне неуклюже сидящих китайских военных мундиров и заплывших жиром или грязью китайских военных физиономий эти всегда безукоризненно чистые, одетые изящно и с иголочки, хорошо упитанные, чисто выбритые и держащиеся с холодно-вежливой военной выправкой русские немедленно бросались в глаза. Впоследствии вы все расшифровывали: один из них барон Гюне, другой—представитель какой-нибудь иной столь же аристократической фамилии.

Вы могли подумать, что эти русские сопровождают китайский охранный контроль в скромной роли переводчиков или чего-нибудь подобного. О, нет! Они—главные действующие лица в этом контроле. Китайские офицеры, которых они сопровождают, очень часто почти не говорят по-русски, а советские документы и визы для них почти то же, что для нас китайская грамота. Они скорее ассистируют, чем проверяют ваши документы. Ключ к этой проверке не у них,—он в руках у российского эмигранта, бывшего остзейского барона Гюне и достойных его однокашников. Это он произносит над вашим ухом деревянным голосом опытного жандарма:

— Ваши документы!

И вы чувствуете сразу, что проходите не китайский, а белогвардейский контроль. Понятно, что руки у этого барона связаны: он не сможет, как делал это другой барон, несколько лет назад терроризировавший Монголию и прилегающее к ней Забайкалье, ни посадить вас в вагон к своему медведю, ни поджарить вас на плите, ни залить

вам горло раскаленным металлом, ни вырезать из вашей спины пару добрых ремней; но нескольких его слов будет достаточно, чтобы китайский военный контроль, который он сопровождает, срочно проникся убеждением в том, что вы опаснейший и по горло начиненный динамитом агент Коминтерна.

Этот первый наглядный урок, который вы получили на границе, должен вас подготовить ко многому, на что вы каждодневно должны будете наталкиваться в Харбине и что является только тысячекратным и варьирующимся в зависимости от учреждения и обстановки повторением того же самого явления.

Весь китайский административный аппарат Харбина буквально пропитан такими же русскими, навербованными из кадров многочисленной харбинской эмигрантской колонии. Они торчат на углах улиц в виде полисменов, сидят в каждом полицейском участке то в чине помощника пристава, то в виде околоточного надзирателя, то на скромном положении делопроизводителя, столоначальника или паспортиста. Они занимают большое место в китайских охранных войсках на железной дороге и в канцеляриях всех без исключения китайских административных учреждений. Они вершат дела в местном отделе народного образования и руководят русским изданием китайской официальной газеты „Гун-Бао". Они занимают посты особых советников в китайских судах и заполняют канцелярии Харбинского муниципалитета. Они поистине вездесущи, и пройти в Харбине мимо них буквально не представляется возможным.

По установившемуся с незапамятных времен обычаю все более или менее крупные и ответственные административные посты в Китае в подавляющем большинстве случаев еще и до сих пор продаются и покупаются. Купивший такой пост китайский чиновник думает естественно не столько о смысле и значении той государственной работы, с которой связано его пребывание на данном посту, сколько о том, чтобы оправдать и окупить произведенную им на получение этого поста затрату путем ли дальнейшей распродажи тех подчиненных ему должностей, назначение на которые зависит от него, или иным способом выжимания не предусмотренных законом, но освещенных стародавним обычаем доходов.

К этому присоединяются еще, с одной стороны, почти

полное отсутствие достаточно грамотных людей, могущих вести какую-бы то ни было работу в государственном аппарате, и, с другой, полное отсутствие опыта в построении этой работы.

Отсюда естественно вырастает стремление „призвать варягов", которые могли бы помочь установить хоть какой-нибудь порядок, хоть как-то поставить дело, инструктировать и двинуть работу. И вполне понятно, что в Харбине, этом более чем на три четверти русском городе, в котором нельзя шагу ступить без русского языка, мысль китайского администратора ищет таких „варягов" не среди каких бы то ни было .иных, далеких и дорогих, иностранцев, могущих к тому же использовать свое влияние в китайском административном аппарате в захватнических интересах своей страны, а прежде всего среди бессильной в этом отношении русской белой эмиграции, не имеющей за своей спиной какой бы то ни было национальной поддержки и к тому же готовой продать все свои знания и весь свой не особенно большой опыт в деле управления за ломаный грош в надежде на пополнение его доброхотными даяниями просителей.

К этому прибавляется и еще одно обстоятельство. Современные китайские правители смертельно боятся большевизма, не знающего государственных границ и близкого и понятного всем трудящимся без различия языка и национальности. Между тем чудовищная эксплоатация, которой подвергается китайский рабочий и крестьянин, является естественной питательной средой для вездесущей „бациллы коммунизма".

Это именно тот пункт, в котором интересы современных китайских заправил, с одной стороны, и белоэмигрантов, с другой, встречаются и соприкасаются ближе всего. Китайцы видят в белоэмигрантах тех людей, которые оказались выброшенными из своей страны, научились поэтому ее ненавидеть и готовы мстить ей любым предательством, но которые, по мнению китайских чиновников, знают конечно эту страну и своих русских лучше, чем любой китаец, а потому смогут понять и объяснить все, что в ней происходит; поэтому они могут быть самыми подходящими осведомителями и шпионами. Белоэмигранты, со своей стороны, понимают, что в этом отношении они нужны китайцам, что в порядке их осведомления о существе советских стремлений они могут укрепить свое положение

и влияние и нажить капиталец, и в связи с этим стремятся только к тому, чтобы эта осведомительная работа шла и не прекращалась ни на один день, не придавая конечно никакого значения тому, будет ли она основываться на каких-либо фактах или просто на сплошном измышлении. Даже больше того: они не получают ничего, кроме удовольствия, если им удается лишний раз лягнуть советскую власть хотя бы самой беззастенчивой ложью. И конечно на этой почве, с каким бы естественным недоверием ни подходили китайские администраторы к белоэмигрантам, эти последние всегда могут рассчитывать на то, что в ходе своей предательской работы при известном упорстве, действуя с определенным тактом и сохраняя в качестве основного своего орудия неизменную скромность и незаметность, они сумеют окружить работающих рядом с ними китайцев своим влиянием и, может быть, превратиться даже в большие фигуры в обслуживаемом ими аппарате.

Это особенно часто встречается в тех частях китайского административного аппарата, которые сейчас усиленно европеизируются. Понятно, что каждый русский схватывает эту европеизацию скорее и точнее, чем почти никогда раньше не сталкивавшийся с нею китаец. К тому же среди современных китайских чиновников Харбина почти нет хоть сколько-нибудь культурных людей. В подавляющем своем большинстве это крайне примитивные, почти безграмотные люди без соответствующей подготовки, без знаний, без всякого административного опыта, без умения и даже желания работать. Не удивительно, что при таких условиях даже самый недалекий старый русский бюрократический чиновник оказывается сильнее и способнее их и легко может занять среди них фактически руководящее положение.

Харбинская белая эмиграция хорошо и совершенно правильно учла эти особенности местной обстановки и те выгоды, которые можно извлечь из нее для себя, прежде всего конечно в направлении создания всяческих затруднений для советской власти в деле отстаивания интересов СССР на китайской территории, в частности по отношению к КВЖД, потому что эту дорогу российские беженцы в течение многих лет склонны были рассматривать как свою последнюю вотчину, до которой руки Советов никогда не смогут дотянуться.

И учтя эти особенности, белоэмигранты превратили работу своих людей в китайских учреждениях в правильно и бесперебойно действующую систему. Сейчас почти в каждом таком учреждении сидит „свой" эмигрант, хорошо знающий все его входы и выходы, вполне приспособившийся к его атмосфере и обстановке, втершийся в доверие своего китайского начальства, авторитет которого стоит поэтому достаточно высоко и возможности которого в связи с этим почти не ограничены. Такого типа можно конечно иногда купить оптом и в розницу и таким путём постараться его обезвредить, но и покупка его не будет верной гарантией, так как кто угодно может его перекупить через пять минут после того, как он продался в первый раз.

Эта армия белоэмигрантов, растыканная по всем китайским канцеляриям и учреждениям Харбина, и определяет в значительной мере политику местной китайской власти в тех вопросах, которые так или иначе затрагивают интересы Советского Союза. Эмигрантские уста нашептывают на ухо каждому китайскому администратору все, что необходимо провести в жизнь с точки зрения последовательной антисоветской политики; эмигрантские руки пишут доносы и проекты всяких антисоветских выступлений; эмигрантские глаза шпионят за каждым советским работником; эмигрантская логика и ненависть к советской власти прививаются всему составу китайской администрации. И вся эта мелочная, будничная, повседневная, но упорная и систематическая работа создает в своем результате то положение, при котором какая бы то ни было деятельность советских представителей на территории ОРВП Китая вообще и в Харбине и на линии КВЖД в частности затрудняется до последней степени.

В моменты обострения отношений советских представителей в Харбине с китайскими властями или в те периоды времени, когда кажутся наиболее вероятными какие бы то ни было демонстрации сочувствия советской власти, например перед 1 мая и 7 ноября, харбинские монархисты шли часто и дальше этого повседневного наушничества и тогда в местном основном органе монархической белой эмиграции „Русском слове" появлялись огромные списки „коммунистов", работающих на дороге как в Харбине, так и на линии, с точным указанием их фамилий, имен, отчеств, адресов и служебного положения.

В последние годы легко можно было проследить огромное значение в советско-китайских отношениях в Харбине этого, казалось бы, мелочного фактора. Мукденское соглашение, несмотря на то, что оно подготовлялось довольно долго, застало Харбин врасплох. В него никто всерьез не верил: ни эмигранты, ни китайская администрация. И потому, когда отвлеченное признание СССР де-юре превратилось в совершенно реальный факт совместного советско-китайского управления КВЖД, а в Харбине появились советские люди, облеченные какой-то властью на дороге,—белоэмигранты сильно растерялись и поджали хвосты, опасаясь еще каких-нибудь сюрпризов вплоть до занятия дороги советской охраной, а китайская администрация Харбина довольно долго не могла нащупать той линии поведения, которую ей приличествует занять по отношению к новому положению.

Это был тот период сравнительно кратковременной харбинской „весны", когда в Харбине оказалось возможным то, что было немыслимо ни до того, ни позднее. Свободно собирались всякие заседания и собрания разных общественных и профессиональных организаций, читались лекции на самые разнообразные общественные темы, устраивались диспуты, получались советские газеты.

Но чем дальше шло время, тем энергичнее шла работа белоэмигрантов, тем быстрее исчезали—параллельно—и все эти „вольности". Началось систематическое гонение на всякие лекции вообще, и полиция перестала выдавать разрешения на устройство докладов даже на самые далекие от политики научные темы.

В этом отношении дело не обошлось даже без курьезов. Вскоре после смерти Есенина в Харбине был устроен вечер, посвященный его памяти. Полиция дала разрешение на вечер. Но как только один из докладчиков коснулся вопроса об общественном значении творчества Есенина, присутствовавшие в публике русские полицейские приняли какие-то меры,—и на сцене рядом со столом президиума выросла фигура китайского полицейского. Между ним и председателем произошел краткий диалог:

— Надо кончайла. Много говори нельзя.

— Но ведь у нас же есть разрешение на доклад!

— Шима разрешение?! Моя говори: мало-мало играй можно, танцуй можно, много говори нельзя!

Слышавший этот диалог оратор сошел с кафедры и продолжал свой доклад, ходя по сцене и делая какие-то странные движения, напоминавшие „танец медведя". Китаец успокоился, и доклад был доведен до конца.

В другой раз в харбинском железнодорожном собрании должно было состояться выступление приехавшего в Харбин Бориса Пильняка, которому был предпослан небольшой доклад проф. Устрялова, очень часто выдвигавшегося в Харбине на амплуа докладчика в подобных случаях, поскольку он представлял собою фигуру нейтральную и пользовавшуюся репутацией „благонадежности" у китайцев. Разрешение на устройство вечера было получено, но собравшейся публике пришлось услышать только докладчика. Когда должен был выступить долгожданный Борис Пильняк, полиция заявила, что она закрывает собрание. Ни ссылка на полученное разрешение, ни увещания и уговоры не помогли.

Не меньшим, если не большим, преследованиям, чем лекции, подвергся в Харбине советский драматический театр, и здесь рука белоэмигрантов обнаружилась пожалуй еще рельефнее. Начать с того, что каждая русская пьеса может быть поставлена на сцене только после разрешения ее цензурой, а в качестве театрального цензора сидит конечно белоэмигрант. Понятно, что при таких условиях ни одна современная советская пьеса, имеющая хоть сколько-нибудь актуальный общественный характер, в лучшем случае выходит из-под карандаша кастрированной и изуродованной настолько, что ее невозможно бывает ни понять, ни узнать, а как правило вовсе не пропускается. Но на этом ее мытарства не всегда кончаются. Они продолжаются и преследуют ее перед каждым спектаклем, на который, несмотря на предварительную цензуру, требуется еще особое разрешение, и даже во время самого спектакля. В клубе харбинского узла был однажды случай, когда полиция остановила спектакль во время хода действия и потребовала снять со стола на сцене красное сукно. Появление на сцене с оружием вызывает немедленное вмешательство полиции. Однажды полиция заявила, что на сцене слишком много народу, и потребовала его убрать. В железнодорожном собрании был случай, когда китайский полицейский явился за кулисы и заявил, что на сцене слишком много красного цвета.

— Красный лампочка нельзя! Зажигай белый лампочка!

И конечно все это провоцируется теми же белоэмигранатами, которые сидят в составе полиции. Китайцы например очень любят красный цвет и постоянно украшают им все, что только можно украсить, причем этот цвет отнюдь не имеет у них специфически революционного характера и значения. В связи с этим понятно, что такие требования, как удаление со сцены красного сукна или красного света, могут исходить только от русских белоэмигрантов, и китайским полицейским они никогда не пришли бы в голову самостоятельно.

Неусыпным заботам тех же белоэмигрантов советское население Харбина обязано было и лишением возможности читать советские газеты. Как уже указывалось выше, в период наступившей после подписания Мукденского соглашения харбинской „весны“ эти газеты свободно доходили до харбинского читателя. Но чем дальше, тем больше разговоров они вызывали в среде белой эмиграции и в белой прессе и в конце концов превратились в ту „коммунистическую литературу“, хранение которой начало преследоваться всевозможными скорпионами.

Эта „литература“ сыграла в частности немаловажную роль в спровоцированном белоэмигрантами преследовании советских профсоюзов Харбина. Наученные горьким опытом прошлого, профсоюзные органы в Харбине старались вообще не держать в своих помещениях решительно никакой литературы. И тогда белоэмигранты начали прибегать всегда к одному и тому же трафаретному, но верному приему. В помещение того или иного профсоюза под видом получения какой-либо справки являлся неизвестный русский, который незаметно засовывал куда-нибудь две-три советские газеты. Затем в тот же вечер на это помещение производился полицейский налет, и обыском обнаруживалась предусмотрительно подсунутая „коммунистическая литература“. В помещении Дорпрофсожа КВЖД она была однажды обнаружена даже снаружи здания—в водосточной трубе, что не помешало однако возбудить против членов Доркома дело по обвинению их в довольно своеобразном хранении коммунистической литературы.

В этом отношении наиболее характерным является, пожалуй, уголовное преследование, возбужденное против председателя и членов Доркома (Лошкомоева, Косолапова, Мошкина и др.) в 1926 г. В основе его лежало обвинение в хранении и распространении по линии дороги коммуни-

стической литературы, причем вся эта литература заключалась только в „Известиях“ и „Гудке“, которые, кстати сказать, в то время еще свободно доставлялись всем их подписчикам китайской почтой. Лишь значительно позднее пропуск советских газет по почте в пределы ОРВП Китая был запрещен. Тем не менее все обвиняемые по этому делу, кроме Лошкомоева, успевшего во-время выехать из Харбина, отсидели в китайской тюрьме около года.

Конечно и это преследование советских профсоюзов, никогда не выходивших на китайской территории за пределы чисто профессиональной работы среди советских граждан, и превращение советских газет в нелегальную „коммунистическую литературу“ вплоть до полного запрещения их пропуска на территорию Китая, так же как и преследования советского драматического театра и запрещение каких бы то ни было публичных выступлений с лекциями и докладами явились результатом соответствующей белоэмигрантской работы—отчасти в недосягаемой для советского глаза глубине китайских канцелярий, отчасти в их хулиганствующей и ничем не сдерживаемой прессе.

Так действовали в течение последних лет в харбинской обстановке выродившиеся „рыцари белой мечты“, сменившие шпагу на ржавое канцелярское перо или канцелярские счеты. Откровенный или шитый белыми нитками политический шантаж, ложный донос, клевета, предательство, наушничество, нападение из-за угла—вот то оружие, которое осталось в их распоряжении и которым они никогда не брезгают сейчас. Что удивительного после этого в том, что в результате этой работы китайская администрация ОРВП Китая доходит иногда до состояния полной политической невменяемости и врывается в Советское генеральное консульство в расчете накрыть в его подвалах, по меньшей мере, заседание Коминтерна, или создает нелепый, но чреватый тяжелыми последствиями конфлик по вопросу о КВЖД.

И белый Харбин торжествует. Он не замечает, или, может быть, не хочет замечать только одного: современные китайские государственные деятели очень ценят белоэмигрантов-предателей; эти предатели им очень нужны, и они их охотно подкармливают и охотно пользуются их грязными услугами; в награду за эти услуги они бросают им крохи со своего стола и позволяют им распускать свой язык в хуле на Советский Союз и советскую власть

вплоть до площадного сквернословия; но одновременно они презирают этих предателей всем тем неисчерпаемым презрением, на какое способен уважающий себя человек по отношению к пресмыкающейся и подлой гадине, они третируют их, как смрадные человеческие отбросы, которыми при случае можно удобрить поле новой государственности, но нормальное место которых все-таки в выгребной яме.

Покупая их за жалкие серебряники, китайский чиновник смотрит на эту эмиграцию, как на людей, способных на любую гнусность, которых можно конечно использовать до поры, до времени, пока они нужны, но которых затем можно просто и без разговоров выбросить одним пинком, как ненужную ветошь.

О Б Ы В А Т Е Л Ь

Если отбросить, с одной стороны, активные белоэмигрантские группы, ряды которых в конце концов не чересчур многочисленны, а с другой—загнанную в подполье общественную жизнь советских профессиональных организаций, то на фоне Харбина останется многоликий в своих индивидуальных проявлениях, но всегда и всюду один и тот же в своем внутреннем содержании, точно вылепленный из одного теста обыватель.

Харбин—это город, лишенный каких бы то ни было признаков подлинно культурной жизни. Родники культуры никогда не били и не бьют в этом вязком деловом обывательском болоте. Американское кино, пошленький театр миниатюр, в котором можно сидеть в пальто и галошах, бары и дансинги, благотворительные балы с тошнотворно-трафаретными дамами-патронессами и ночные кабаки, начиная от претендующих на звание художественных кабаре и кончая просто публичными домами,—это все, на что способен в области „культуры" этот межеумочный город. И потому обыватель—его подлинное лицо.

Когда вы встречаете коренного харбинца, вас сразу поражает в нем одна характерная черта. Это всегда внешне культурный, хорошо, иногда даже с некоторым шиком одетый человек, умеющий держаться в обществе и поддерживать соответствующий салонный разговор, и в то же время после нескольких минут такого разговора у вас создается совершенно определенное впечатление о том, что из черепной коробки этого приятного человека как будто вытравлены какие бы то ни было общественные инстинкты и какой бы то ни было интерес к судьбам и культурным запросам человечества. Для него существует и его занимает только то, что так или иначе сегодня или завтра может задеть его собственное обывательское благополучие или нарушить мирное течение его бытия.

Вы были бы чрезвычайно наивны, если бы вздумали заговорить с таким человеком о вопросах политики, о новых веяниях в области искусства, о последних научных

открытиях, о проблемах народного хозяйства или о чем-нибудь подобном. В лучшем случае вы услышали бы растерянное и бессмысленное поддакивание; в худшем—вас приняли бы за безнадежно больного маниака или агента Коминтерна и постарались бы поскорее от вас отвязаться. Новые веяния в области искусства, народное хозяйство—какая скука! Только сумасшедшие маниаки могут говорить о них через 10—12 лет после революции, когда, отдыхая от трудов праведных или неправедных, можно посидеть, ни о чем ни думая, в кафе «Далькопд», завернуть на час на Гарольд Лойда и закатиться в «Фантазию», чтобы в промежутке между двумя рюмками куантро покружиться под звуки «Валенсии» в фокстроте с услужливой кельнершей и поглазеть на «живые статуи», т. е. попросту на совершенно обнаженных женщин, показываемых со сцены.

Впрочем конечно далеко не все харбинские обыватели совершенно одинаковы. Они распадаются на различные как исторические, так и географические группы, и каждая из таких групп имеет некоторые свои характерные особенности. Все эти группы могут быть разбиты на четыре основных категории:

обывателя доисторического, или нафталинного;

обывателя типичного, или нормального;

обывателя активного, или спекулирующего, и

обывателя американизированного, фокстротирующего.

Обыватель доисторический—это сейчас уже немногочисленные остатки тех железнодорожных пионеров, которые появились в полосе отчуждения КВЖД отчасти еще в начале ее постройки, отчасти в первые годы ее эксплоатации, т. е. осели в Харбине минимум 25 — 30 лет назад. Осевши в Харбине в это далекое время, эти люди не только за годы войны и революции, но даже и к началу мировой войны успели настолько обрасти своеобразным мохом далекого провинциального захолустья и отстать от жизни, что уже лет 15 назад превратились в какие-то засушенные мумии не от мира сего. И мировая война и революция в самых острых своих проявлениях, всколыхнувшие и даже расплескавшие российское обывательское болото, прошли мимо них и ни на иоту не изменили и не нарушили их мирного жития, не сдули с их окон ни одной кисейной занавески и не поломали ни одной их герани.

Количественно их осталось уже очень немного. Они живут замкнуто, в своих углах, и когда они выходят из них на

улицы Нового города, остающегося их основной резиденцией, начинает казаться, что это не люди, а какие-то призраки далекого прошлого вышли потолкаться в новой и чуждой им людской толпе, что всех их только что вытащили из каких-то старых, пересыпанных нафталином, сундуков, чтобы слегка проветрить и затем снова уложить на долгие годы. Среди них вы можете увидеть высохших, желтых дам, одетых по последней моде конца прошлого века, и благообразных старичков в долгополых старомодных сюртуках. Они ходят одинаково, гордо и беззвучно, держатся особняком, и в современном окружающем мире их ничто не интересует. Они как будто даже не замечают его и живут в каком-то далеком, никому неведомом прошлом. Их нельзя встретить ни в одном общественном месте, кроме разве духовных концертов. Но и там они ведут себя чинно и благообразно и так же бесшумно, как появились, снова исчезают, чтобы вернуться надолго в свой нафталин или в свое своеобразное небытие.

Типичный, или нормальный, обыватель Харбина — это прежний ограниченный, косный мещанин до мозга костей, усердно посещающий кино, любящий вкусно закусить и поспать после обеда, поиграть в неизменный преферанс, иногда закатиться в кабачок и заботящийся главным образом о том, чтобы его как-нибудь не извлекли из его нудного мещанского болота.

Прямую противоположность ему составляет обыватель активный, или спекулирующий. Если нормальный обыватель—пережиток уже отходящего в область истории сонного и малоподвижного прошлого, то обыватель активный является порождением живой современности с ее калейдоскопической подвижностью и постоянной беспокойной изменчивостью. Нездоровая атмосфера беженства, постоянное пребывание на случайном притыке, до которого докатывает волна событий, полное отсутствие веры в завтрашний день—создали из этого обывателя цепкого человека, который вечно двигается, что-то придумывает, хватается абсолютно за все—сегодня моет тарелки в ресторане или управляет автомобилем, завтра спекулирует на бобах, послезавтра продает нефтяные промыслы «на Кавказе», а затем открывает магазин на Китайской улице, чтобы через полгода с треском вылететь в трубу и начать свою блестящую карьеру с самого начала. Он то сорит деньгами по кабакам и притонам, то изыскивает способы как-нибудь

пообедать на медный пятачок, случайно заблудившийся в его кармане.

Этот спекулирующий обыватель и образует те подвижные кадры, из которых постепенно выкристаллизовывается последний вид обывателя—обыватель американизированный, или фокстротирующий. В существе своем это тот же спекулирующий обыватель в следующей стадии своего развития, уже прошедший все стадии первоначального неблагополучия и неожиданных прыжков в неизвестность и почивший на лаврах своей жизненной цепкости.

Этот сорт харбинского обывателя из кожи лезет вон для того, чтобы отвыкнуть от своих прежних российских манер и старого русского „безкультурья" и изобразить из себя вполне американизированного аристократа. Правда, в подавляющем большинстве случаев он даже не видел никогда в жизни ни одного подходящего образца. В Харбине не водится представителей большого американского света. На Дальний Восток, как и во всякую отдаленную колонию, Америка выкидывает главным образом свои общественные отбросы, и подавляющее большинство появляющихся на харбинском горизонте американцев имеет в своем формуляре в лучшем случае несколько сомнительных авантюр, а часто просто даже уголовную тюрьму или подобного рода заслуги. Но в среде фокстротирующего харбинского обывателя—они почетные гости, образцы общественного поведения, законодатели мод. „Вышедший в люди" активный харбинский обыватель начинает очень быстро подражать им во всем и конечно прежде всего их чисто внешней манере проводить время.

Если обыватель доисторический и обыватель нормальный концентрируются главным образом в той части Харбина, которая носит название „Нового города" и представляет собою в сущности сильно разросшийся железнодорожный поселок, заселенный и до сих пор чуть не на 80% служащими дороги, то обыватель активный и американизированный тяготеет к торговой части города, именуемой „Пристанью". И на этой Пристани вы легко можете изучить его нравы и обычаи.

Для этого вам полезно прежде всего пройтись днем по харбинскому „Невскому" (да простится нам эта непозволительная профанация)—главной пристанской улице, так называемой „Китайской".

Китайская улица—это торговая артерия Пристани. Чи-

стенькая, аккуратная, прямая, как стрела, хорошо вымощенная и вообще отделанная она имеет вполне европейский вид. По этой узкой улице бесконечно фланирует не то деловая, не то бесцельно гуляющая толпа. И в этой толпе почти на каждом шагу вы наталкиваетесь на фланирующего американизированного харбинского обывателя. Особенно густо он бывает представлен в центре—у самой большой и комфортабельной харбинской гостиницы „Модерн". Там вы всегда можете доставить себе удовольствие полюбоваться на полтора десятка всем хорошо известных харбинских дельцов, задумчиво подпирающих стену. Что они там делают, зачем стоят—сказать трудно. Они глазеют на проходящих и сообщают друг другу все, что они о них знают или тут же придумывают не хуже любой провинциальной кумушки,—это как бы их уличный салон. Но здесь же они задумывают и обсуждают планы своих „дел" и спекуляций, торгуются, что-то покупают и что-то продают,—это одновременно и их черная биржа.

Чем живут эти люди? Что они делают? Откуда берут деньги на свои всегда чистенькие, модные, хорошо сшитые костюмы? Трудно сказать. Об этом не принято спрашивать,—неловко. Не всегда можно ответить на такой вопрос. Для большинства харбинцев достаточно того, что все эти люди прилично одеты, умеют себя держать в обществе, ничем из него не выделяются и аккуратно выполняют весь ритуал общепринятого общественного поведения. Тем, что происходит в их черепной коробке, никто не интересуется.

— Кто это?—спрашиваете вы харбинского старожила, глядя на одного из людей, подпирающих стену „Модерна" или жеманно тянущего очередной коктайль в салоне того же „Модерна".

— Это? Это Яша П.

— То есть позвольте, как это—„Яша"? Ведь ему верных 50 с хвостиком! Кто он? Чем он занимается?

— Занимается?.. Право не знаю. И никто не знает. Чем-то, вероятно, занимается. Я его вижу уже много лет. Он хорошо одевается, всюду бывает. Отчества его не знаю, да и никто, кажется, не знает. Я думаю—он, вероятно, сам позабыл его. Все его знают просто, как Яшу П.

Часов в 10—11 вечера пятидесятилетний Яша, как все, появляется—в зависимости от времени года и обстановки—то в ресторане „Модерн", то в Коммерческом собрании, то в Яхт-клубе. Все столики густо заселены такими же,

как он, кавалерами и полураздетыми дамами. Снуют официанты.

— Бумм! — ударяет вас что-то по голове. Это джасс. Тухнет свет и загорается снова красными, желтыми, зелеными огнями.

— Ва-ле-ен-сия...— взвывает оркестр.

Многоликий Яша, точно по команде, отделяется от стула, хватает на лету даму и с бесстрастным лицом начинает скользить между столиками, точно делает самую необходимую работу.

Минут пять перед вами мелькают бесконечные фокстротирующие пары. Вы жметесь, чтобы дать им дорогу. Говорить невозможно, ибо слова тонут в громе джасса.

Джасс обрывается так же неожиданно, как и начал свою музыку. Загорается свет. Гром аплодисментов.

— Бумм!! Ва-ле-ен-сия...

Еще две минуты завываний джасса и шарканья ног. Наконец джасс умолкает, зажигается свет. Аплодисментов нет—установленная программа выполнена до конца.

Яши идут по местам за свои столики. Официанты ускоряют свой бег. Стучат ножи и тарелки. Вы постепенно приходите в себя и чувствуете, что наконец можете говорить.

— Скажите...—обращаетесь вы к вашему спутнику.

— Бумм!!—падает вам на голову джасс:—Titina my Titina...

Яши поднимаются, как заведенные автоматы, и плывут мимо вас, точно в припадке лунатизма. Вся программа повторяется снова.

Опять умолкает джасс, опять убыстряется бег официантов. Плывут блюда и ведерки с замороженным вином, стучат ножи и тарелки. К вам возвращается дар речи.

— Не правда ли...—обращаетесь вы к вашему собеседнику.

— Бумм!!.—отвечает вам джасс:—Jes, sir, she is my baby...

Потные и красные Яши толкутся в невероятной сутолоке фокстротирующей толпы. Программа повторяется снова.

Снова смолкает джасс.

Дамы пудрят носы и подкрашивают губы.

Яши крутят ложечками в кофейных чашках.

— Уедем...—успеваете вы бросить вашему соседу.

— Бумммм!!.—подхватывает джасс, и с риском быть сбитым с ног вы пробиваетесь к выходу.

— Едем в „Фантазию“,—предлагает вам ваш спутник.— Посмотрим на ночное кабаре.

Вы входите в низкий прокуренный зал. Табачный дым ест утомленные глаза. Свободных столиков нет, но услужливый хозяин немедленно раздобывает откуда-то стол и втыкает вас между ложей и пальмой.

— Буммм!!.—ударяет вас джасс. Тухнет свет, загораются зеленые, желтые, красные огни.

— Ва-ле-ен-сия...

Яши уже здесь, но уже не с прежним деловым видом. Они яростно крутят своих повеселевших дам. Кто-то перекрикивает джасс. Все опутаны лентами серпантинного безумия. Сотня ног шаркает по полу и подымает пыль.

Мелькает свет. Взрывы джасса чередуются с аплодисментами.

— И это...—успеваете вы крикнуть вашему спутнику под гул голосов в промежутке между двумя фокстротами.

— Буммм!!.—прерывает вас джасс:—Titina my Titina...

Так развлекается американизированный харбинский обыватель.

И когда вы смотрите на эти бесконечно крутящиеся перед вами в полумраке переливающихся разноцветными огнями дансингов словно в чаду дурмана шаркающие пары, вам начинает невольно казаться, что—после долгих лет войны и революции, после того, как на обагренной кровью и изрытой снарядами земле, народилось великое будущее, когда в огне и буре последней напряженной борьбы выковывается новая жизнь,—вы неожиданно попали в отмирающий мир теней прошлого, который твердо знает, что он обречен на гибель и потому торопится скоротать свои страшные последние минуты в сладком дурмане этого шаркающего танца мертвецов.

Фокстрот—это повальная болезнь, это предсмертная судорога буржуазного мира. И этой судорогой заражен, в ней бьется весь обывательский Харбин. Фокстрот танцуют не тогда, когда хочется потанцовать и просто повеселиться,— его танцуют везде и всегда: днем, вечером и ночью до утра; в кафе, в ресторане, в ночном кабаке, в дансинге и дома, когда собираются вместе четыре человека. Вы слышите фокстроты в ресторанных джассах, в кино, в виктролах, в радио. В магазинах вам предлагают фокст-

ротные туфли, фокстротные серьги, фокстротные сумочки. Жены почтенных харбинских спекулянтов, слишком отяжелевших для беспрерывного фокстрота, нанимают специальных фокстротных мальчиков. В 1923 г. было устроено несколько специальных фокстротных конкурсов. На одном из них первый приз получила дама, беспрерывно протанцовавшая 24 часа. В ноябре 1924 г. в ресторане „Модерн“ во время фокстрота, как на боевом посту, скоропостижно умер присяжный поверенный Р. Другого очень крупного харбинского адвоката Г., человека лет под 60, вы и сейчас еще можете почти ежедневно видеть в различных местах, в поте лица своего самоотверженно крутящего свою даму в деловом фокстротном экстазе.

Весь этот увязший в своем мещанском болоте обывательский Харбин иногда точно бредит во сне и пытается проявить какие-то свои общественные и идейные склонности. Но эти попытки кончаются всегда пошло и глупо.

Так однажды группа местных харбинских адвокатов решила организовать общественный суд над... тем же злополучным фокстротом. Рассылали приглашения, распространяли билеты, а затем в течение нескольких вечерних часов доморощенные харбинские Демосфены и Плевако успели наговорить столько пошлостей и благоглупостей, что у слушателей скулы свело от зевоты, а сами участники суда стыдливо опускали глаза и быстро переводили разговор на другие темы, когда кто-нибудь случайно вспоминал об этом их „общественном“ начинании.

В другой раз местная адвокатура вздумала чествовать банкетом прибывшего в Харбин А. С. Зарудного. Ели, пили и конечно говорили речи на общественные темы. Казалось, что выбивают пыль из залежавшихся архивных мешков русской адвокатуры. Пахло плесенью 90-х годов, никто не мог выдумать ни одного живого слова. Сам виновник торжества окончательно скис под дождем этих обывательских излияний настолько, что один из наблюдавших его участников банкета не без остроумия и достаточно метко заметил:

— Он был бы прекрасным собеседником в братской могиле.

Не удивительно. Весь этот банкет был похож на братскую могилу. Разве его участники не были живыми мертвецами?!

Эти вылазки в сторону общественных выступлений толь-

ко подчеркивают всю безнадежность внутренней мертвечины харбинского обывателя, его постепенное, но довольно быстрое догнивание. На таких выступлениях виднее, насколько быстро деградируются эти кадры навсегда отживших и никогда уже не могущих вернуться к жизни бывших людей.

Это впрочем не мешает им думать, что они все еще живут своей прежней, самой подлинной и настоящей жизнью. Их смешная, кичливая и праздная болтовня кажется им проповедью новых откровений, их мертвенный фокстрот—подлинным весельем, а их мышиная беготня вокруг мелких „дел“ и спекуляций—тем подлинным жизненным благополучием, ради сохранения которого они останутся до могилы врагами Советов и большевизма, выбросивших их в свое время из насиженных ими обывательских углов в далекое харбинское болото.

КИТАЙСКИЙ ХАРБИН

Кажется на первый взгляд странным, что, говоря о Харбине, городе, находящемся на территории суверенного Китая, приходится так много говорить о русских, почти не упоминая о подлинных хозяевах страны—китайцах.

Где же они?

О, они тут же, рядом, только не в европейско-американском Харбине,—здесь они тонут в чуждой им толпе иностранцев,—а в соседнем и фактически сливающемся с ним Фудзядяне.

Все иностранцы, а в их числе и русские выходцы из царской России, приходили в Китай как колонизаторы-завоеватели, как высшая раса, которая стремилась жить и питаться соками низшей, подчиняя ее своей культуре и своему влиянию и превращая ее в орудие для своей наживы. И потому все эти иностранцы никогда не селились в китайских городах среди местного населения, которое было для них этой низшей расой.

Они строили рядом свои города и поселки, отделяя их от китайских поселений точной демаркационной чертой и превращая последние в своеобразные средневековые гетто западно-европейских городов.

Таковы все города в Китае, в которых постоянно и в большом количестве живут иностранцы и которые были в свое время превращены ими в основные базы их захватнической политики, и в этом отношении Харбин ничем не отличается от Шанхая, Шанхай—от Тяньцзиня, а Тяньцзинь—от Мукдена.

В каждом из этих городов вы найдете то или иное количество иностранных концессий и рядом с ними особый китайский город.

В Харбине не было никогда никаких других иностранных концессий, кроме русской. Этот город был вызван к жизни постройкой КВЖД и весь целиком вырос исключительно на русской концессии, на землях, отведенных для нужд этой дороги и вышедших в полосу ее отчужде-

ния, вследствие чего и мог в свое время рассматриваться как сплошная русская концессия. Так оно и было в действительности. Царское правительство России совершенно бесконтрольно распоряжалось на территории этого города: оно организовало там свои суды, свой прокурорский надзор, свою полицию, свой охранный, следственный и общеадминистративный аппарат и свое городское общественное управление, устанавливало и взимало свои налоги и сборы, распоряжалось всем по своему усмотрению, ни в какой мере не согласовывая своих действий с волей и мнением местной китайской администрации.

Не только местные китайские власти, но даже и существовавшее в то время центральное правительство Китая не имело ни сил, ни возможности протестовать против такого положения вещей. Будучи не в силах бороться против своих поработителей, Китай покорно отступал перед вооруженным насилием. Но рядом с русским концессионным Харбином, параллельно с ним, за демаркационной линией русской концессии выростал огромный чисто китайский город, отделенный от Харбина степным пустырем и получивший даже особое название Фудзядян.

Было бы неправильно думать, что китайцев нет в европеизированном Харбине, расположенном на территории бывшей русской концессии, в качестве постоянных оседлых жителей. Наоборот, сейчас их там очень много, а с каждым годом становится все больше и больше. Но у этой части Харбина нет все-таки ни в какой мере подлинно китайского лица, Харбин не китайский город в подлинном значении этого слова, и потому, побывав в этом городе и не заглянув за его границы, не проехав в частности в Фудзядян, вы не будете иметь ни малейшего представления о подлинном, настоящем Китае. Своеобразно красочный, законченный, стильный, хотя и не имеющий глубоких исторических корней, кусочек этого Китая рядом с Харбином вы можете найти только в Фудзядяне.

Подобно всем типичным китайским городам, Фудзядян — это людской муравейник, буквально кишащий людьми, в котором каждый отдельный человек топет и исчезает, как иголка в стогу сена... Если вы едете туда в автомобиле, то вам лучше отказаться от мысли проникнуть на современной машине в его узкие улицы-коридоры, в сложном клубке которых можно запутаться, как в самом затейливом лабиринте. В сущности по улицам Фудзядяна во-

обще нельзя ездить, для экипажного движения они не приспособлены, а можно только ходить. Когда вы пытаетесь проехать по ним в автомобиле или на извозчике,—вам приходится продвигаться буквально черепашьим шагом, пробиваясь через несметную сплошную толпу людей, бесконечным потоком льющуюся вдоль улицы.

Как все восточные народы, китайцы любят уличную жизнь и предпочитают ее пребыванию в своих тесных, грязных, неблагоустроенных и лишенных каких бы то ни было культурных удобств жилищах. И потому китаец больше половины своей жизни проводит на улице, а улицы его городов и в их числе **Фудзядяна** всегда запружены народом.

И потому эти улицы всегда полны движения, шума и красок, всегда живут самой интенсивной, никогда не стихающей жизнью. Течет оживленная уличная толпа, снуют среди нее разносчики, различных дел мастера и уличные парикмахеры. Они не кричат, как у нас, о своем товаре или о своем ремесле; их человеческий голос в этой многоголосой толпе, пожалуй, и не был бы слышен. Каждый из них имеет особый сигнал, присвоенный его профессии: на коромысле лудильщика висит звонкий медный гонг, в который бьются на ходу два металлических шарика; у парикмахера в руках особые щипцы, которые звонко дребезжат, когда он продергивает через них металлическую пластинку; у торговца деревянной посудой, одновременно занимающегося починкой решет и прочей кухонной дребедени, деревянные барабанчики; у других—звонки, трещотки, дудочки, и их разноголосые, разнообразные, пестрые звуки заполняют и без того шумную китайскую улицу.

Самый внешний вид этой улицы почти ничем не напоминает улицы наших городов. Улица Фудзядяна всегда имеет какой-то необыденный, пестрый, ярмарочный вид: она вся увешана надписями, вывесками, плакатами. Но это не наши чинные вывески и плакаты, плотно приклеенные к стене. Они пишутся на белой или красной, иногда зеленой, материи, они выбегают на длинных шестах, закрепленных у стен, на середину улицы и живут, колышутся над ней при малейшем движении ветра. Даже магазины на этой улице вполне приспособлены к общему темпу уличной жизни. Они устраиваются в домах у тротуаров, но не имеют внешних стен, не отделяются ими от улицы и могут отгораживаться от нее в те короткие часы, когда

они не торгуют или в холодное время года, только деревянными щитами или сплошными стеклянными переборками. Таким путем даже магазинная торговля выносится из домов на улицу.

Архитектура Фудзядяна, сера и однообразна. В архитектурном отношении в Китае вообще интересны отнюдь не рядовые постройки, а дворцы, храмы, кумирни и подобные им сооружения, которые строились отнюдь не для повседневных нужд простых смертных. Рядовые постройки даже в сравнительно крупных китайских городах очень недалеко ушли от самой примитивной саманной фанзы. Все они строятся по одному образцу, окрашиваются в тусклый серый цвет и мало чем отличаются друг от друга.

Часто с улицы вы даже не видите самых фанз, потому что они обнесены серым глинобитным забором, окружающим целую усадьбу и отделяющим ее от улицы. Только за последние годы Фудзядян начал прослаиваться многоэтажными домами европейского образца и большими универсальными магазинами. Не далее же как 10—12 лет тому назад в случае пожара он вспыхивал весь, как сплошной костер, и выгорал до тла, чтобы затем быстро вырасти снова на старом пепелище.

Фудзядян особенно интересен не в обычное время, не в будни, а во время больших праздников. Любопытно поэтому посмотреть на него и его особую красочность в дни больших китайских праздников, хотя бы так называемого китайского нового года, который празднуется обычно в конце января или начале февраля.

Новый год—не столько религиозный, сколько коммерческо-деловой праздник. Китайцы приурочивают к нему все свои коммерческие расчеты, подытоживают прожитый год и празднуют свое вступление в новый год, причем устраивают себе длительные деловые каникулы, и празднование это продолжается почти целый месяц. Однако оно соединяется и с целым рядом обрядов и церемоний, связанных с культом.

Вообще нужно сказать, что трудно себе представить народ, в массе своей более склонный к атеизму, чем китайцы. Они не исповедуют в сущности никакой религии, но чрезвычайно низкий культурный уровень делает их крайне суеверными и возвращает их от формально господствующего в Китае буддизма к самому примитивному пантеизму, заставляя объяснять все окружающие, самые заурядные,

но понятные малокультурному человеку явления, вмешательством добрых и злых духов, которых приходится в зависимости от обстоятельства то умилостивлять, то стращать и пугать, для того чтобы добиться их благорасположения или заставить их отказаться от злоумышлений и козней.

Это самое примитивное суеверие, а отнюдь не внушенная извне рабская вера, приводит к довольно своеобразным бытовым последствиям, и каждый китаец, которого еще не коснулись веяния современной „поповской культуры", приучается довольно свободно обращаться со своими „богами" и населяющими в его представлении окружающий его мир духами.

Довольно характерный в этом отношении инцидент произошел летом 1926 г. в Мукденской провинции. Вся весна и начало лета этого года были крайне засушливы, причем уже в конце мая жара в Мукдепе доходила до 50°, а в течение всего апреля и мая не выпало ни одного дождя. Местное население долго и бесплодно умоляло своих „богов" о пощаде и просило их послать спасительный дождь. Но „боги" оставались глухи и неумолимы. Тогда молельщики наконец рассердились и поставили им категорический ультиматум, сопровожденный и совершенно реальной угрозой. Они заявили своим „богам", что в случае, если дождь не пойдет в течение ближайших двух недель, все их храмы в провинции будут разрушены. Нужно сказать, что „боги", повидимому, струсили, испугались этой угрозы,—в последний день назначенного им срока пошел дождь, и ультиматум пришлось отменить, но дождь этот шел не более часа и едва смочил потрескавшуюся от нестерпимого зноя землю.

Канун китайского нового года знаменуется тем, что на всех улицах и во всех углах не только Фудзядяна, но даже и европеизированной части Харбина, начинается нескончаемая пальба. С непривычки может показаться, что идет грандиозный уличный бой и пачками стреляют из винтовок и револьверов. В действительности это китайцы отпугивают от каждого дома злых духов и для этого... взрывают бесконечное количество особых, начиненных порохом, хлопушек, видимо считая своих злых гениев обладающими пугливостью зайцев и лишенными какой бы то ни было сообразительности, потому что даже слепые монгольские лошади и безнадежно тупые мулы очень быстро привы-

кают к этой безвредной трескотне и шествуют по улицам, не обращая на нее никакого внимания. В следующие затем дни, проходя мимо наглухо закрытых китайских магазинов, вы можете услышать в них дичайший шум и звон, производимые ударами в кастрюли, сковороды, медные тазы и тому подобные шумовые инструменты. Этот нестерпимый грохот продолжается по нескольку часов подряд, иногда целыми днями: это хозяева помещений выгоняют из них тех же злых духов.

Но, говоря о красочности праздничного Фудзядяна, мы имели в виду конечно не это примитивное и наивное суеверие, а то, что делается во время праздников на его улицах, постоянно снова и снова заполняющихся разнообразными, то более скромными, то более пышными, но всегда красочными и оригинальными, карнавальными шествиями. Особенно грандиозно бывает шествие с драконом, которым заканчивается празднование нового года.

Пробиваясь в надвигающихся сумерках сквозь густую толпу, заливающую от края и до края узкие улички Фудзядяна, вы еще издали замечаете сотни колыхающихся на ходу китайских фонариков, двигающихся вам навстречу. А за ними выплывает и огромный светящийся дракон, прекрасно сделанный из материи и художественно расписанный по ней, который, извиваясь и волнуясь, как будто ползет по мостовой. Он имеет обычно метров 20—25 в длину, и его несут на особых шестах люди, помещенные внутри его, ноги которых, ступая по мостовой, кажутся его собственными бесчисленными лапами. Дракон весь освещен внутри теми же китайскими фонариками, и их свет, пробиваясь сквозь скрывающую их материю, превращает все тело в светящееся мягким зеленоватым фосфорическим светом.

Его несут так искусно, что на некотором расстоянии создается полная иллюзия живого легендарного чудовища, ползущего среди несметной людской толпы.

Впрочем живость и красочность китайских уличных процессий можно наблюдать не только во время этих праздничных карнавалов, но часто и в обычные дни. Достаточно для этого повстречаться на улице со свадебной или особенно с похоронной процессией. А в кишащем людьми Фудзядяне их можно встретить по нескольку в день.

Харбин и Фудзядян—это полюсы современного международного бытия Китая. Харбин—это старая, уже

присохшая, болячка на теле нарождающегося молодого Китая.

Но и сейчас еще этот город фокстротирующих мертвецов и разложившейся плесени российского беженства презирает Фудзядян с высоты своей воображаемой культуры, о подлинном лице которой он не имеет даже приблизительного представления и которая состоит в его понимании исключительно в умении носить смокинг и развязно болтать салонные благоглупости. Фудзядян в массе своей уже научился ненавидеть и презирать ее харбинские проявления и ее харбинских лжепророков, явившихся когда-то в Китай в роли его поработителей и эксплоататоров.

Новый, молодой Китай, уже поднявший знамя борьбы с насилием как иноземных капиталистов, порабощающих и разоряющих китайский народ, так и своих собственных, доморощенных феодалов и эксплоататоров, выжимающих из этого народа все его жизненные соки и распродающих его хищникам мирового империализма оптом и в розницу, доведет эту борьбу до победного конца и протянет тогда руку дружбы и международной солидарности трудящимся всего мира. Но пока этой победы нет, пока еще ведется ожесточенная борьба за нее, пока китайский рабочий и крестьянин несут ярмо капитализма,—до тех пор не будет изжита окончательно и пропасть, отделяющая Харбин от Фудзядяна и превращающая Фудзядян в своеобразное харбинское гетто.

Еще очень недавно, всего десять лет назад, на Уссурийской дороге можно было видеть в составе поездов специальные вагоны с надписью: „Для китайцев“. Октябрьская революция, докатившись до берегов Тихого океана, смыла позорные надписи со стен вагонов и утвердила на советской территории равноправие всех трудящихся без различия их национальностей. Китайский Октябрь сотрет с лица земли и демаркационную грань между Харбином и Фудзядяном.

ХУНХУЗЫ

Когда русские произносят слово „хунхуз", они мыслят—„разбойник", и потому в их понимании это слово совершенно теряет свой первоначальный подлинный смысл и совершенно искажаются исторические истоки того явления, которое известно под общим названием „хунхузничества". Хунхузничество играет в жизни Китая и, в частности, Северной Маньчжурии огромную роль и в существе своем отнюдь не может быть приравнено к простому и трафаретному разбойничеству.

В точном переводе на русский язык слово „хунхуз" означает „назависимый храбрец", и эта дословная расшифровка названия тех людей, которые буквально терроризируют мирное население почти всех без исключения районов, прилегающих к КВЖД, гораздо точнее передает внутренний смысл и социальное значение того грозного и единственного в своем роде общественного явления, которое носит название „хунхузничества".

Хунхузничество уходит своими корнями в настолько далекие глубины китайской истории, что судить об его первоисточнике и первоначальном происхождении пока не представляется возможным. В историческом разрезе оно остается пока недостаточно обследованным; в социальном же своем разрезе оно несомненно имеет много общего с той русской вольницей, которая 400—500 лет назад бежала от непосильных поборов и произвола царских чиновников и помещиков в привольные и в то время еще свободные южно-русские степи, на Дон, на Кубань и в Приуралье, а позднее—и в далекую дикую сибирскую тайгу, чтобы укрыться там от притеснений, преследований и крепостной неволи и превратиться в таких же свободных храбрецов, с оружием в руках отстаивающих свою независимость и время от времени совершающих набеги на бывших своих притеснителей, а затем возвращающихся в свои вольные станицы и сечи с богатой добычей. Только исторические и географические условия существования этих двух вольниц—русской и китайской—оказались настолько разными,

что в конечном результате они перестали походить друг на друга. Однако и сейчас еще китайские хунхузы постоянно пополняют свои ряды людьми, которые бегут от поборов и произвола властей, от безудержной эксплоатации их хозяевами или от экономической кабалы, в которую их, как мух, загоняют цепкие и жадные, как пауки, богатые китайские купцы, которые знают, что ни на кого из этих пауков и эксплоататоров они не только не смогут найти никакой управы в современном китайском суде, но что даже и самая борьба с их произволом может кончиться жесточайшим наказанием каждого жалобщика. И тем не менее современное лицо и судьба хунхузничества настолько отличны от лица и судьбы старой русской вольницы, что сравнивать эти явления до конца значило бы делать не соответствующую действительности и ничем не оправдываемую натяжку.

Хунхузы никогда не действуют поодиночке, а составляют отдельные вооруженные отряды, которые носят на русском языке несколько презрительное название „шаек" и состав которых в количественном отношении бывает довольно разнообразен, начиная от 10—20 человек и достигая в отдельных случаях нескольких сот или даже тысячи. Такие шайки составляются обычно отдельными главарями (по-китайски—„да-е"). Только самые мелкие шайки, численностью от 10 до 20 человек, сами выбирают из своей среды своих главарей—„дан-дзли-ди". Главари шаек не живут при них и потому назначают в качестве непосредственных их начальников особых „старшинок". Эти старшинки находятся безотлучно при шайках и являются единственными лицами, выделяющимися из их состава. Никакого другого подразделения на старших и младших в шайках нет, и каждая шайка представляет собою как бы вооруженное братство, все члены которого равны, связаны общей клятвой и круговой порукой и обязаны приходить на помощь друг другу хотя бы ценою своей собственной жизни. Всякое ослушание старшинки, а равно и ссоры членов шайки друг с другом, караются смертью. Старшинки принимают участие во всех выступлениях шаек и руководят ими. В случае болезни или очень редкого отсутствия старшинка передает шайку одному из хунхузов по своему усмотрению и на это время теряет свое право распоряжения шайкой, которая таким образом управляется всегда единолично.

Главари шаек—„да-е“—живут обычно отдельно от них в поселках или крупных городах, занимаются коммерцией, очень часто состоят членами местных коммерческих обществ и занимают иногда даже то или иное видное общественное положение. Это дает им, а через них и их шайкам, прекрасную осведомленность и правильную ориентировку в выполнении их замыслов, позволяя кроме того своевременно обезвреживать меры, принимаемые китайскими властями против хунхузов. Люди, живущие и работающие рядом с таким главарем, не подозревают конечно, что рядом с ними „да-е“ шайки хунхузов.

Так например одним из таких „да-е“ шаек, оперировавших в районе лесных концессий восточной линии КВЖД между станциями Имяньпо и Ханьдаохедзы, был китаец по прозвищу „Тян-дун“. Он возглавлял даже не одну шайку, а целый их отряд, включавший в свой состав от 10 до 15 шаек общей численностью в различное время от 300 до 1 000 человек. Иногда он появлялся в районе деятельности этих шаек и в этих случаях устраивал свой штаб на китайском базаре на 30-й версте концессионной ветки, идущей от станции Яблоня. Появляться среди людей он не любил и жил во втором внутреннем дворе усадьбы одного китайского лавочника, который служил „агентом связи“ между ним, с одной стороны, и администрацией концессии—с другой. Этот агент связи с шайкой был хорошо всем известен, но китайское командование, не державшее в этом районе достаточных воинских сил, не решалось ничем его обидеть, опасаясь мести со стороны хунхузов. Обычно же Тян-дун жил в Мукдене под своей настоящей фамилией, был влиятельным человеком в купеческом мире, имел три солидных дома и маслобойный завод. Впоследствии, он вступил в регулярные китайские войска в чине полковника, и только это обстоятельство выяснило для всех прежнюю двойственность его профессии.

Из этого примера видно, между прочим, что отдельные шайки объединяются иногда в целые отряды. В этих случаях главари отдельных шаек, входящих в такой отряд, подчиняются старшему главарю-предводителю, каковым и был в данном случае Тян-дун.

Часть шайки образует ее боевое ядро. Это—лучшие стрелки. Другая часть несет сторожевые обязанности и производит разведку. Этой же части поручается и надзор за заложниками, которых шайка захватывает в плен. В каж-

дой шайке имеется свой казначей, которому поручается хранение и расходование денег шайки и который ведает ее хозяйством и ведет отчетность. Судя по записям, которые в некоторых случаях удавалось захватывать, когда застигнутые врасплох китайскими солдатами хунхузские шайки не успевали их унести, отчетность каждой шайки ведется так же аккуратно, как в любой китайской фирме. Но она относится конечно только к общим деньгам шайки. Доли каждого отдельного хунхуза распределяются между ними тотчас по получении добычи.

Наибольшая активность хунхузских шаек развивается ими главным образом в течение летних месяцев, причем особенно усиливается весной и осенью. Зимние месяцы — самое тяжелое и неудобное для хунхузов время. Снег, на котором виден каждый след, дающий возможность их проследить и преследовать, лишает их возможности передвигаться; морозы заставляют их искать тепло. Поэтому некоторые из хунхузских шаек укочевывают на зиму из пределов Северной Маньчжурии на юг, другие же фактически распыляются. Это распыление представляет собою одно из самых характерных явлений хунхузского быта. С приближением зимы основное и притом не особенно многочисленное ядро такой распыляющейся хунхузской шайки, действующей в лесистых районах Маньчжурии, уходит далеко в глубь маньчжурской тайги, где у нее всегда имеются тайные становища, в которых хранятся запасы провианта, оружия и боевых припасов. Туда заблаговременно свозится все необходимое для зимовки вплоть до топлива, и там, в низких тесных землянках, отрезанные от всего мира, в очень тяжелых условиях хунхузы проводят всю зиму. Выйти из своего логова они не могут, так как оно заносится со всех сторон совершенно непроходимыми сугробами снега. Огонь в жилищах разводится только ночью, так как днем дым может выдать место нахождения становища. Поэтому и пища варится только ночью.

Остальная часть шайки фактически разбредается по городам и поселкам, устраивается на какую-нибудь работу и так мирно существует до следующей весны, когда с наступлением тепла зимовавшее в глубине тайги ядро шайки возвращается на свои летние резиденции и вокруг него снова собираются все разбредшиеся перед наступлением зимы хунхузы.

Этот обычай разбредаться, периодически возвращаться к мирному труду, а затем снова вливаться в шайку представляет собою чрезвычайно характерную черту современного хунхузского быта. Хунхузничество становится таким образом совершенно своеобразным бытовым явлением, а борьба с ним—крайне осложняется. Этот обычай, с одной стороны, как бы стирает грани между хунхузом и мирным поселянином или городским жителем, а с другой,—дает возможность хунхузничеству настолько врасти в толщу мирного населения, что оно делается иногда почти неотделимым от него и неуловимым. Почти каждый из хунхузов, за очень редкими исключениями, имеет среди населения местности, в которой оперирует его шайка, своего „братку" или „шибко знакомый люди", у которых он всегда найдет приют, через которых он держит постоянную связь с внешним миром и которые его никогда и ни при каких условиях не выдадут. Поэтому, когда при преследованиях шайка хунхузов окружается врасплох и не имеет возможности уйти, случается, что она буквально тает на месте, и обнаружить, куда девались все составлявшие ее люди, оказывается невозможным.

С другой стороны, если хунхуз возвращается в общество, двери перед ним никогда не будут закрыты, и он сможет занять в нем самое почетное положение. Разве не характерна в этом отношении расказанная выше история Тяндуна, разве взорванный в конце концов на воздух бывший „верховный правитель" Китая и военный диктатор всей Маньчжурии маршал Чжан Цзо-лин не был первоначально хунхузом? И, наоборот, вчерашний солдат, преследовавший хунхузов, вчерашний ремонтный рабочий на дороге, вчерашний энглизированный бой сегодня легко делаются хунхузами, и это никого не удивляет, ни в ком не вызывает особого возмущения: это их дело—пусть себе делаются „независимыми храбрецами".

Приходится однако констатировать, что современное хунхузничество довольно пестро и среди него имеются разнообразные группы. Основных групп—четыре, причем первые три различаются главным образом географически, а последняя представляет собою совершенно особую разновидность. Первые три разновидности—это: 1) хунхузы лесистых местностей, или таежные хунхузы, 2) хунхузы хлебородных равнинных местностей и 3) хунхузы, группирующиеся в районах золотых приисков,—приисковые хунху-

зы. Четвертая разновидность—это так называемые „бродяжки“.

Первые три разновидности—это те подлинные хунхузы—„независимые храбрецы“,—к которым в той или иной степени относится все сказанное выше. Они различаются скорее по методам своих действий, приспособляемым к особенностям той или иной местности, а не по идеологии. В этих методах есть много общего, но замечаются и значительные местные особенности.

Для того, чтобы иметь возможность оставаться „независимыми храбрецами“, хунхузам нужны деньги, лошади, оружие, продукты и обмундирование. Ничто иное их не интересует. Но на добычу перечисленных вещей они вынуждены затрачивать всю свою энергию, потому что иначе они погибнут. Поэтому для того, чтобы добыть их, хороши все средства, в том числе и то, что мы называем преступлением; но для настоящего хунхуза преступление вовсе не является единственным или самым лучшим средством, и ко всякому насилию шайка хунхузов прибегает обычно лишь в крайнем случае и только после попыток уладить интересующий ее вопрос в мирном порядке, как к последнему средству, или только тогда, когда оно представляется единственно возможным.

Соответствующие методы действия хунхузской шайки сводятся обычно к следующему.

В большинстве случаев, особенно в лесистых местностях восточной линии КВЖД и в районах золотых приисков, хунхузские шайки располагаются вблизи крупных лесных или золотопромышленных концессионных предприятий и прежде всего пытаются договориться с местным населением или с конторами концессионных предприятий в самом мирном порядке. При этом они рассматривают район своей деятельности, как свою вотчину, и облагают ее определенною данью, а за это обязуются охранять местное население и предприятия, обложенные ими такой данью, от всяких на них нападений. Если удается заключить такое соглашение, то хунхузы располагаются где-нибудь поблизости, получают по своим требованиям необходимые им деньги и продукты и не допускают в занятый ими район даже другие хунхузские шайки. Но если это соглашение в чем-либо нарушается населением, а особенно, если кто-нибудь, стремясь освободиться от наложенной дани, вызывает войска для борьбы с хунхузами, последние жестоко

мстят за это,—выжигают иногда целые селения, сжигают заготовленные лесоматериалы и особенно жестоко расправляются с теми, кого они подозревают в предательстве. Иногда же и в этих случаях хунхузы ограничиваются только наложением особой контрибуции, причем относительно размеров ее, как и всех вообще устанавливаемых ими поборов, с ними можно торговаться, и они довольно легко идут на уступки.

Наряду с таким массовым обложением населения хунхузы очень часто практикуют и индивидуальный метод, при котором оно падает либо на отдельные коммерческие предприятия, либо на отдельных зажиточных людей, имеющих возможность откупиться той или иной более или менее крупной суммой. В этих случаях хунхузы обыкновенно также начинают с мирных переговоров. Они прежде всего посылают намеченному ими лицу или предприятию очень вежливое письмо, в котором, ссылаясь на свои затруднения, просят выслать им в условленное место те или иные продукты, боевые припасы или определенную сумму денег. Если адресат идет на переговоры с ними, то хунхузы торгуются, идут на уступки и в конце концов договариваются с ним в мирном порядке, что не гарантирует впрочем данное лицо от предъявления к нему через некоторое время тех или иных повторных требований. Но если адресат не отвечает на письмо в условленный срок, то ему посылается повторное письмо, содержащее уже определенную угрозу, которая в случае надобности и приводится в исполнение. Наконец в некоторых случаях, когда простые письма не помогают, хунхузы идут на самый решительный прием вымогательства: они берут заложников, т. е. попросту похищают кого-либо из близких того лица, от которого требуется выкуп, или его самого, или кого-либо из ответственных служащих фирмы, чтобы потребовать затем ту или иную сумму за его освобождение. Бывают случаи, когда жертвами таких похищений оказываются даже дети. Захваченный в плен уводится далеко в сопки, иногда переводится с места на место и содержится все время под охраной во избежание побега, а хунхузы начинают торг за его выкуп. Торг этот ведется с назначением сроков и под постоянной угрозой убийства заложника. Хунхузы сообразуются при этом как с имущественным положением того, с кем они торгуются, так и с родственной близостью ему или общественным положением заложника. Часто

они заставляют и самого заложника, особенно если это ребенок, писать письма с просьбами об его выкупе. Характерно, между прочим, что хунхузы почти никогда не берут в качестве заложников женщин, считая, повидимому, сообразно с общераспространенной в Китае точкой зрения, что такие заложники не имеют большой ценности. Если в ходе торга хунхузы убеждаются в том, что лицо, к которому обращено требование, действительно не в состоянии его выполнить,—они снижают его, а иногда даже и просто от него отказываются и в конце концов освобождают заложника. Если же они наталкиваются на упорное сопротивление их требованиям, на вмешательство полиции и попытки освободить заложника силой или хитростью, то дело кончается иногда трагически, и заложник в конце концов убивается ими, „чтобы другим неповадно было" впредь сопротивляться их требованиям.

Основная забота хунхузов сводится конечно к тому, чтобы обеспечить себя оружием, боевыми припасами, одеждой и продовольствием. Последнее добывается главным образом путем грабежа, наложения дани или получения выкупов за пленников. Одежда хунхузов довольно пестра и разнообразна, но большинство их одето в типичные китайские кофты и халаты и потому ничем не отличается от остального населения, что также способствует их неуловимости. Отличительный признак хунхуза заключается только в красной тряпочке, которой перевязывается его оружие—винтовка, револьвер или даже просто нож.

За оружием хунхузы охотятся усиленно, идя на все, чтобы его раздобыть. Если они получают сведения, что в каком-нибудь пункте размещается небольшой отряд солдат,—они часто нападают на этот пункт, чтобы захватить солдатское оружие. При нападении на поселок хунхузы предварительно собирают через своих агентов самые точные сведения о том, какое оружие имеется у каждого из его жителей, и жесточайшим образом расправляются с теми, кто отказывается выдать им это оружие или его скрывает. Этому не приходится удивляться: наличие оружия или его отсутствие являются для хунхузов очень часто вопросом жизни или смерти.

Хунхузы равнинных местностей прибегают к тем же самым приемам, но здесь реже встречаются случаи стационарной договоренности хунхузских шаек с местным населением о дани и охране. Объясняется это просто иным

характером местности и связанной с ним вынужденной большей подвижностью этих шаек.

Совершенно особой и резко отличающейся от всех остальных разновидностью хунхузских шаек являются так называемые „бродяжки“. Это очень малочисленные по своему составу шайки, состоящие обычно из 5—10 человек, постоянно кочующие с места на место и встречающиеся во всех решительно районах, которые комплектуются из самого социально-опасного и общественно совершенно разложившегося элемента—беглых преступников и т. п. В сущности, это уже самые обыкновенные разбойничьи шайки, не имеющие ничего общего с подлинным хунхузническим движением и только в широком обывательском восприятии этого движения охватываемые этим понятием. Сами подлинные хунхузы не признают „бродяжек“ за хунхузов, и, видимо считая, что они дискредитируют хунхузническое движение, при встречах жестоко расправляются с ними, отнимают оружие, поголовно их убивают, а трупы убитых оставляют валяться на месте в назидание другим „бродяжкам“.

Для „бродяжек“ недоступны конечно все те приемы вымогательства, которые были описаны выше. Они не могут ни торговаться, ни ждать, ни брать заложников. Поэтому они просто разбойничают, нападают неожиданно на отдельных лиц или уединенно стоящие дома, грабят и необыкновенно жестоко расправляются с теми, на кого они нападают, обычно зверски их убивают, чтобы они не могли впоследствии выдать их, навести на их след полицию или войска, и забирают все, что им попадается под руку.

Говоря о „бродяжках“, нельзя обойти молчанием и еще одного явления, в сущности не имеющего уже почти ничего общего с подлинным хунхузничеством, но им порожденного и в настоящее время очень распространенного в Маньчжурии, да и на всем прилегающем к ней Дальнем Востоке. Это, если можно так выразиться, городское или поселковое хунхузничество, которое сводится не только к тому, что „бродяжки“ часто забредают в города и крупные поселки и хозяйничают в них, но и к тому, что и в самых городах создаются целые организации, промышляющие вымогательством при помощи описанных выше хунхузских приемов. При этом в состав таких организаций входят не только китайцы, но очень часто и белогвардейцы, а иногда даже и исключительно последние.

Приемы этих шаек, систематически оперирующих даже в наиболее многолюдном и полном полиции, охранных и регулярных китайских войск Харбине, очень напоминают хунхузские приемы в значительно упрощенном и сокращенном их виде. Намеченной жертве иногда посылается угрожающее письмо с требованием положить в определенное место ту или иную сумму, а иногда эту жертву или ее ребенка просто ловят на улице, вталкивают в автомобиль, завязывают ей рот и глаза, долго возят ее по улицам и наконец привозят в какую-нибудь неведомо где находящуюся квартиру, где и начинаются переговоры о выкупе. В случае их благополучного исхода жертве снова завязываются глаза и ее снова бесконечно возят в автомобиле для того, чтобы лишить возможности ориентироваться, а затем выпускают где-нибудь на пустынной боковой улице в центре города, откуда она сама может добраться до своего дома.

Примеров такого рода похищений можно было бы привести десятки только по одному Харбину, но достаточно будет ограничиться несколькими из них, в полной мере характеризующими это явление.

В начале 1924 г. на одной из людных улиц Харбина было произведено нападение на золотопромышленника Н., которого несколько человек подстерегли при выходе его из конторы и пытались втолкнуть в автомобиль. Н., очень крупному по комплекции человеку, удалось упереться руками в стенки автомобиля, и нападавшие не могли сразу справиться с ним. Так как завязавшаяся борьба могла привлечь внимание публики, злоумышленники бросили Н., вскочили сами в автомобиль и скрылись.

В том же году был похищен местный крупный коммерсант и домовладелец Т., которому пришлось заплатить за свое освобождение 100 тысяч даянов. Наконец почти одновременно была организована попытка похитить сына местного богача О., когда он возвращался с тенниса по очень людному месту. Мальчик не растерялся и бросился плашмя на землю, и, пока похитители возились с ним, начала собираться публика, приближение которой заставило злоумышленников быстро ретироваться.

В 1925 г. был похищен известный в Харбине врач К. Его увезли за город и потребовали там с него выкуп. К. удалось обмануть бдительность бандитов и уговорить их вернуться с ним в город, где он обещал вручить им 200

рублей. Бандиты приняли его предложение, доставили его обратно на его квартиру, получили обещанную сумму, а затем дня через два были арестованы.

В начале 1928 г. на одной из центральных улиц Харбина около 7 часов вечера был схвачен и увезен в автомобиле артист Д., шедший на спектакль. Когда его привезли в какое-то неизвестное помещение и развязали ему глаза, а затем выяснили точно, кто он такой, бандиты сообщили ему, что он похищен по ошибке, будучи принят за другого, и попросили его извинить их за такую оплошность и подождать до следующего вечера. Через сутки он действительно был доставлен, опять с завязанными глазами, на то же место, на котором накануне его схватили.

Бывают впрочем случаи, кончающиеся гораздо более печально. Так сын одного сравнительно мало состоятельного харбинца погиб в плену у хунхузов, которые были почему-то убеждены, что отец сможет дать за него солидный выкуп, и, не пожелав пойти ни на какие уступки, предпочли убить двенадцатилетнего мальчика.

Эти „городские хунхузы“ являются конечно просто разбойниками и бандитами, очень далекими от таежных „независимых храбрецов“, и могут служить характерным примером даже просто полного вырождения и извращения подлинного хунхузнического движения. Но в то же время они являются и лишней удачной иллюстрацией чрезвычайной распространенности этого явления на территории Северной Маньчжурии.

Как уже было отмечено выше, хунхузничество существует здесь с незапамятных времен, а в течение последних десятилетий не было такого периода времени, когда бы оно совершенно исчезало. Но степень его распространенности и активности хунхузов зависит главным образом, от двух причин: последовательности борьбы с ними и уменья вести эту борьбу, с одной стороны, и степени обеспеченности самих хунхузов оружием и боевыми припасами—с другой.

Очень значительный толчок росту хунхузничества дала в свое время русско-японская война. Хунхузы успешно оперировали тогда большими шайками в тылу обеих армий, которым было не до борьбы с ними, и столь же успешно и усиленно пополняли за счет воюющих запасы своего оружия. Поэтому и после этой войны, вплоть до 1917 г., вооружение хунхузов составляли главным образом япон-

ские винтовки и русские трехлинейки, причем уже к 1916 г. все хунхузское оружие оказалось очень сильно потрепанным, из чего можно было заключить, что пополнение его запасов было крайне затруднено. В том же 1916 г. было замечено, что хунхузы экономят буквально на каждом патроне.

Одновременно с этим деятельность хунхузов была тогда сильно ограничена и русскими охранными войсками, стоявшими на КВЖД. Эти войска умели вести упорную и систематическую борьбу с хунхузами и всегда держали их на почтительном расстоянии от дороги. Хунхузы появлялись только на более отдаленных от нее участках концессий КВЖД и на железнодорожных ветках, ведущих в глубь этих концессий, и то сравнительно редко.

Переломным в этом отношении годом был 1918. Когда началась стихийная демобилизация русской армии, снялись с КВЖД и прежние русские охранные войска, причем значительная часть этих войск уходила, бросая оружие, которое затем заботливо подбиралось хунхузами. Охрана КВЖД пришла в такой упадок, что хунхузы перестали встречать какое бы то ни было сопротивление. Естественно, что при таких условиях хунхузничество расцвело пышным цветом и превратилось в своеобразный бич Северной Маньчжурии. По всей линии КВЖД почти не осталось районов, в которых не хозяйничали бы хунхузы, и ни от одной ее станции нельзя было отойти на 2—3 километра без серьезного риска попасть в руки хунхузов. Мирное население на линии КВЖД оказалось под постоянной угрозой хунхузских налетов. Весьма нередкими стали даже случаи остановки хунхузами поездов в пути, которые подвергались разграблению и пассажиры которых уводились в плен. На лесных концессиях хунхузы хозяйничали почти беспрепятственно.

Китайское же военное командование проявило свою полную неспособность поставить борьбу с хунхузами на должную высоту. Обычно оно ограничивалось тем, что систематически опаздывало посылать воинские части туда, куда они срочно вызывались ввиду появления хунхузов, и только внешне демонстрировало свою полную беспощадность по отношению к ним.

Так после крайнего разгула хунхузничества на линии КВЖД в 1921—1922 гг. Мукденом была организована особая противохунхузская карательная экспедиция, началь-

ником которой маршал Чжан Цзо-лин назначил своего сына, нынешнего мукденского правителя—Чжан Сюэ-ляна, в то время попросту называвшегося „маршаленком". Этот „маршаленок" захватил с собою броневик и направился с ним по восточной линии КВЖД, где особенно усердно оперировали хунхузы. О приближении броневика было заранее известно решительно всем, а в том числе конечно и хунхузам, которые поэтому благополучно избегали всякого столкновения с ним. Тем не менее прицепленные к броневику товарные платформы после каждой его остановки наполнялись отрубленными китайскими головами, которые так и возились за броневиком для устрашения непокорных. Среди десятков и даже сотен этих голов не было вероятно ни одной хунхузской, получить которую было не легко; за хунхузов страдали многочисленные мирные китайские огородники, хозяйства которых разбросаны по всей линии дороги.

Весьма торжественно и столь же показательно обставляются казни пойманных хунхузов. Не говоря уже о том, что эти казни производятся публично путем отсечения головы особым кривым мечом, осужденного на казнь хунхуза—привязанного к телеге—предварительно возят по всему городу с особой процессией. Даже на улицах европейского Харбина часто встречаешь такие процессии, привлекающие огромное количество любопытных.

Однако целые платформы отрубленных голов мирных огородников очень мало пугают хунхузов, а десяток-другой казненных за год, хотя бы в самом показательном порядке, хунхузов не ослабляет их рядов и не уменьшает их энергии. Насколько такие меры не достигают цели, можно судить хотя бы по тому, что, по произведенному приблизительному и конечно скорее преуменьшенному, чем преувеличенному, подсчету за тот же год, на который падает карательная экспедиция Чжан Сюэ-ляна, в пределах Трех восточных провинций Китая хунхузы ограбили у населения имуществом и деньгами около 2 миллионов даянов и взяли в плен около 1 400 человек. Можно себе в связи с этим представить, во что обходится Северной Маньчжурии хунхузничество, если иметь еще при этом в виду, что в приведенном подсчете остался совершенно неподведенным итог убытков, явившихся последствием убийств и поджогов, от которых погибло огромное количество лесных материалов, железнодорожного имущества и всяких построек.

Борьба с хунхузничеством представляется вообще очень сложным делом, так как хунхузы являются полными хозяевами местности, в которой они оперируют, и преследование их всегда крайне затруднено. В связи с этим население вынуждено бывает само принимать необходимые меры к своей охране от хунхузов. В равнинных местностях Маньчжурии выработался даже особый тип крестьянской „фанзы"—с глухой стеной по наружному фасаду и окнами и дверьми во двор, который обносится сплошной высокой стеной из саманного кирпича с одними воротами в центре. Более зажиточные усадьбы устраивают по углам этой стены даже башенки с бойницами, что окончательно превращает такую усадьбу в миниатюрную крепость, из которой удобно наблюдать за окрестностями и отстреливаться от приближающихся хунхузов. Усадьбы земледельцев, составляющие одно селение, обносятся одной общей земляной стеной, причем уездные власти часто разрешают отдаленным селениям образовать отряды добровольной деревенской милиции, вооруженной средствами селения, носящей название „туань-лянь-ху" (обучение военным приемам), для защиты селений от хунхузов.

Каждая шайка хунхузов, оперирующая в определенном районе, великолепно знает конечно всю местность, на которой ей приходится развивать свою деятельность. Основная база шайки, как уже отмечалось выше, находится обычно очень далеко и тщательно скрыта; во время же своих переходов хунхузы пользуются временными базами, которыми служат строящиеся иногда самими хунхузами небольшие и очень примитивные по своей конструкции землянки, пустующие бараки, выстроенные на концессиях для рабочих, и очень часто землянки или пещеры огородников, макосевов, искателей корня „жен-шень" и звероловов, разбросанные по тайге. Иногда, по довольно редко, встречаются даже настоящие хунхузские крепости— „ишпан", складываемые из дикого камня, с башнями, бойницами, боевыми окопами и сторожевыми постами.

Отдельные хунхузские базы и их временные убежища соединяются между собою так называемыми „хунхузскими тропами", известными только одним хунхузам. Эти тропы тщательно маскируются близ постоянных становищ шаек, где они протаптываются в один след. Далее они вливаются обыкновенно в более явные тропы звероловов, огородников или зимние и проселочные дороги и потому представляют

собою скорее направления передвижения, а не особые тропы. Тропы хунхузов имеют и некоторые внешние признаки: на перекрестках дорог, на перевалах и вообще в тех местах, где можно потерять направление, хунхузская тропа отмечается особыми знаками „шу-хуа“ („языка тайги“). Эти знаки—засечка разных фигур, затеска коры на стволах, перевязка веревочками и тряпочками на шестах, надписи на верстовых и телеграфных столбах и т. д.—незаметны для несведущего; для хунгузов—это график их движения, сигнал об опасности или о том, что путь свободен.

В местах наиболее интенсивного передвижения хунхузов можно встретить иногда сооружаемые ими кумирни в виде помещенного на высоком столбе небольшого домика, к внутренней стороне которого приклеивается изображение божества. Внутри помещается чаша с пеплом, куда втыкаются курительные палочки, кладутся монеты и другие знаки жертвоприношения. В тайге такие кумирни устраиваются в дуплах деревьев на вершинах сопок, с которых удобно наблюдать за окрестностью. В эти дупла ставятся чашечки с пеплом, а в честь местных духов гор вокруг дупла прикрепляются красные тряпочки или бумажки с текстом заклинаний. Иногда такою кумирнею хунхузы пользуются и как почтовым ящиком для переписки о выкупе пленников и местом, куда должен быть положен такой выкуп. Все это обеспечивает хунхузов от преследователей, которые в подавляющем большинстве случаев лишены возможности точно ориентироваться в направлениях передвижения хунхузских шаек, не умеют пользоваться их „языком тайги“ и очень часто теряют их след или сами попадают в хунхузскую ловушку.

И конечно в тех условиях насквозь прогнившей атмосферы политического авантюризма, в которых живет сейчас Северная Маньчжурия, хунхузничество никогда не будет изжито. Оно исчезнет только тогда, когда под ударами постепенно нарастающих сил трудящихся Китая окончательно падет твердыня уже совершенно разложившегося китайского феодализма и китайский рабочий и крестьянин возьмут власть в свои руки, чтобы навсегда уничтожить тот уклад жизни, который заставляет тысячи людей бросать все и бежать от кабалы и насилия китайских толстосумов к „независимым храбрецам“ в их суровые таежные логовища.

ВОЙСКА, ПОЛИЦИЯ, АДМИНИСТРАЦИЯ

Довольно затруднительно ответить прямо и односложно на вопрос о том, есть ли в Китае регулярная армия. И да, и нет. Да, потому что фактически такая армия вербуется, обучается, одевается в военную форму, охраняет границы, марширует по улицам, занимает казармы, делится на трафаретные армейские части, даже воюет на многочисленных внутренних фронтах страны. Нет, потому что все то серое скопище людей, которое носит китайскую военную форму, едва ли может быть серьезно названо регулярной армией.

Объясняется это тем, что Китай никогда не имел и до сих не имеет необходимого количества своих квалифицированных военных специалистов, которые могли бы строить его армию без посторонней помощи, и потому его армия строится и обучается в конце концов не столько самими китайцами, сколько иностранными инструкторами. А эти инструктора—французские, английские, американские, японские офицеры—конечно, всегда продолжают оставаться верными агентами тех генеральных штабов, которые их командируют на ответственную работу инструктажа. Само собой разумеется поэтому, что они строят и обучают эту армию не так, как это представлялось бы необходимым Китаю, стремящемуся оградить свою международную независимость, а так, как это выгодно генеральным штабам пославших их империалистических держав, никогда не отказывавшихся от мысли превратить Китай в свою колонию или полуколонию.

Генеральным штабам этих держав, агенты которых неустанно инструктируют создание новой китайской армии, нужна конечно не сильная боеспособная и спаянная хоть каким бы то ни было единством армия суверенного Китая, а только пародия на нее, нечто такое, что могло бы немедленно развалиться от первого серьезного толчка.

Понятно в связи с этим, что питаемый такими заданиями инструктаж верных слуг империализма дает и соответстующие плоды.

Китай не знает ни всеобщей воинской повинности, ни установленной законом обязательной военной службы. Его армия или, точнее и ближе к истине, его армии набираются отдельными генералами-сатрапами, сидящими в различных провинциях. Поэтому в Китае вы постоянно слышите не о китайской армии, а о мукденских, нанкинских или кантонских войсках, о войсках цицикарского генерал-губернатора, об охранных войсках КВЖД, об армии У Пей-фу или Фын Юй-сяна. Каждый из местных китайских сатрапов вербует свои войска и затем ревностно охраняет их от всяких перебросок за пределы его сатрапии. Это его капитал, которого он никому не желает давать в долг. При этом и самая вербовка таких армий поставлена чрезвычайно примитивно. Солдат иногда нанимают, а чаще берут принудительно без всякой системы и заставляют служить. Для этого иногда устраиваются целые облавы, во время которых захватывается то или иное количество мужчин, способных носить оружие и превращаемых в солдат. Никаких иных регулярных способов пополнения армии не существует.

Само собою разумеется, что в результате таких приемов комплектования никакой регулярной армии получиться не может, а получается совершенно случайный военный сброд. Навербованные в таком порядке войска не имеют ни внутренней спайки, ни достаточной дисциплины, ни даже простого сознания какого бы то ни было служебного долга, ни ясного представления о том, для чего они навербованы и превращены в солдат.

Все это определяет конечно и боевую ценность такой армии. Армия, в которой отсутствуют какие бы то ни было признаки устойчивой и определенной организации, уже не армия, а простое скопище вооруженных и одинаково одетых людей, обученных военным приемам. Такое скопище могло бы быть сильно и обороноспособно не отсутствующей у него организованностью, а только индивидуальными качествами составляющих его людей.

Каковы же эти люди?

Китайцы вообще в подавляющем большинстве своем созерцательный и исключительно мирный народ, не числящий никакого пристрастия к войне и воинственности ни в числе своих добродетелей, ни в числе своих пороков. Поэтому среди них почти нет людей, которые шли бы в армию добровольно, избирали бы военную службу своей

профессией. В армию идет только тот, кого к этому принуждают и кто не имеет возможности или умения откупиться или как-нибудь отвертеться от такого принуждения. Понятно, что при таких условиях в ее ряды попадает самый примитивный и некультурный элемент.

Это относится почти в одинаковой степени как к солдатам, так и к офицерам. В Китае почти нет грамотных людей. Отсутствие звуковой азбуки и головоломная китайская иероглифика, при которой среднеграмотному человеку нужно знать до 6 тысяч иероглифов, сокращает число умеющих читать до самого мизерного минимума. И потому сплошь и рядом оказываются неграмотными, совершенно не умеющими даже читать не только солдаты (таких в свое время и у нас было достаточно), но и китайские офицеры.

На какие же боевые свойства такого первобытного и темного человека, принудительно втиснутого в европеизированный военный мундир и не озаренного никакой идеей, за которую он мог бы сознательно бороться, можно рассчитывать при таких условиях? Разве только на его примитивную жестокость и дикость. И действительно, находясь в совершенно скотских условиях хлевоподобной китайской казармы, отделенной каменной стеной от каких бы то ни было намеков на культурные влияния, китайские солдаты превращаются в дикарей, которые мгновенно возбуждаются и звереют до полного беспамятства и потому бывают способны на что угодно без всяких рассуждений, но конечно до тех пор, пока они не встречают соответствующего отпора. Серьезно воевать, подставлять себя под выстрелы, рисковать своей жизнью, жертвовать ею ради завербовавших их генералов они не охочи. И эти генералы великолепно учитывают такие их свойства. Они отлично знают, что их солдаты, как волки, постоянно смотрят в лес и не выносят запаха пороха. Поэтому они и воевать стараются по-особенному, по-китайски.

В 1924 г. во время очередной генеральской свалки между Чжан Цзо-лином и У Пей-фу по Харбину ходил следующий рассказ, выдававшийся за соответствовавший в полной мере действительности.

В составе войск Чжан Цзо-лина участвовал отряд русских белогвардейцев под командой генерала Нечаева, который занимал один из участков фронта. Однажды стоявшие против этого участка войска У Пей-фу перешли в

наступление, и Нечаев тотчас же получил от китайского штаба приказ:

— Стреляй!

Нечаевцы молчали, и противник медленно продвигался вперед. Штаб повторил свой приказ:

— Стреляй!!

Нечаевцы опять молчали, а противник все приближался. Китайский штаб в третий раз отдал свой приказ:

— Стреляй!!! Скорее!!

Приказ снова не был исполнен,—нечаевцы молчали. И только тогда, когда противник подошел на очень близкое расстояние, они открыли по нем из своих окопов беглый огонь: значительная часть нападавших легла на месте, остальные разбежались.

Из штаба немедленно прискакал ординарец.

— Шима ваша не исполняй приказа? Шима раньше не стреляй?!.

— Потому что раньше стрелять было бесцельно. Наша тактика сводится к тому, что мы подпускаем противника на возможно близкое расстояние и затем расстреливаем его почти в упор. Это дает значительно больший эффект.

— Ваша ничего не понимай!—был ответ.—Так не можно, так очень много убивай! Убивай не надо, мало мало пугай надо!

Si non e vero, e ben trovato. Китайские генералы знают свойства своих солдат, они хорошо понимают, что очень быстро останутся без войска, как только начнут настоящую войну. И потому в своей междоусобной войне они всячески избегают крупных кровавых столкновений и занимаются главным образом только тем, что пугают войска своих противников, чтобы не слишком запугать своих собственных солдат.

Лица, прибывшие из Харбина в СССР уже после разрыва международных сношений между СССР и Китаем в июле 1929 г., рассказывают характерные эпизоды, связанные с отправкой китайских воинских частей из Харбина к границам СССР. Во избежание недоразумений оружие таким частям выдавалось только накануне отъезда. Но и эта предосторожность не помогала. Сплошь и рядом от начальника отправившегося эшелона с одной из ближайших станций получалось сообщение, что из числа отправленных с ним 500 человек у него осталось только 50. Остальные предпочитали не добираться до опасных границ, где мет-

кая пуля советского пограничника могла уложить их при попытке воинственного начальства перебросить их через границу. Поэтому они забирали с собою только что выданное им оружие и уходили в сопки, чтобы влиться там в бродящие по окрестности шайки хунхузов. Лучше стать „независимым храбрецом", чем превращаться в пушечное мясо маршала Чжан Сюэ-ляна и его присных.

Все эти большие маршалы и маленькие маршалята хороши для них только до тех пор, пока за них не приходится рисковать своей жизнью и они бесплатно кормят, одевают, дают хотя бы и хлевоподобную, но бесплатную квартиру (в отношении жилья и пищи рядовой китаец крайне нетребователен), а иногда даже и платят хотя бы самое мизерное жалованье, не посылая ни на какую войну. В такое мирное время им можно послужить верой и правдой, а при этом и себя не обидеть.

Армии китайских генералов в значительной степени существуют на весьма своеобразном принципе „самоокупаемости". Принцип этот выражается прежде всего в том, что любое предприятие и даже любой гражданин, проживающий на территории Китая, могут нанять себе военный караул для охраны своей личности и имущества. В харбине перед подъездами домов очень многих состоятельных людей, опасающихся попыток со стороны хунхузов похитить их, вы можете натолкнуться на таких специально нанятых ими для своей охраны солдат. Практическая роль этой охраны сводится в большинстве случаев к тому, что такой солдат очень недурно кормится на своем охранном посту, а в случае нападения на того, кого он призван охранять, так же недурно сверкает пятками, первым удирая от нападающих. Но такие посты дают все-таки довольно солидный доход.

Однако принцип „самоокупаемости" далеко этим не ограничивается. Никому из китайских генералов не интересно кормить всю завербованную ими солдатскую ораву за счет тощей государственной казны, которая к тому же в каждой провинции рассматривается ими как своя собственная. Поэтому они всячески поощряют, чтобы их солдаты кормились сами за счет населения.

И солдаты превращаются в связи с этим методом их кормления в форменных мародеров, на которых к тому же нельзя найти решительно никакой управы. Там, где появляются солдаты, мирное население впадает в панику. Солдаты,

как саранча, опустошают бахчи и огороды, грабят, насилуют и вообще часто ведут себя много бесцеремоннее и хуже подлинных хунхузов, которых их круговая хунхузская этика не допускает до такой полной и безудержной моральной распущенности. Эта же никем и ничем не сдерживаемая распущенность еще более превращает китайского солдата в зверя, вклинивая в него постепенно сознание, что ему все можно и что никто и никогда не призовет его к порядку и не воспрепятствует ему в совершении любых безобразий.

В 1925 г. на одной из станций южной линии КВЖД имел место следующий случай.

В комнату дежурного по станции вошел китайский солдат, который пытался говорить по телефону. Наблюдая за ним, дежурный по станции заметил, что солдат совершенно не умеет обращаться с телефоном и легко может его поломать, а потому после нескольких минут безрезультатной возни солдата с телефонной трубкой сказал ему:

— Ваша не умей говори по телефону. Зови кто умей, а то телефона фангули (сломаешь).

Солдат матерно выругался по-русски (все китайцы в полосе отчуждения КВЖД, даже не умеющие двух слов связать по-русски, в совершенстве заучили самую отборную русскую брань и употребляют ее даже в разговоре друг с другом по-китайски) и вышел. Но минут через пять он вернулся снова в сопровождении еще четырех солдат, которые, не говоря ни слова, набросились на дежурного по станции, свалили его на пол, выволокли из комнаты и зверски избили, сломав кстати и злополучный телефонный аппарат.

Когда этот инцидент был доведен до сведения генерального консула СССР в Харбине (поскольку избитый был советским гражданином), то на соответствущее его представление харбинский дипломатический комиссар ответил, что, как установлено произведенным расследованием, при входе пяти солдат в комнату дежурного по станции, последний бросился на них с перочинным ножом и пытался их убить, вследствие чего они и вынуждены были обороняться. Этой нелепой версией было покрыто все, и солдаты остались безнаказанными.

Не следует ни минуты воображать, что этот инцидент является единственным в своем роде или хотя бы одним из немногих. Он просто один из наиболее характерных.

Без подобных инцидентов не обходился почти ни один день, и линейные служащие дороги ежечасно рисковали быть избитыми или изуродованными китайскими солдатами. Почти каждая попытка снять с поезда солдата, едущего зайцем (а солдаты почти никогда не берут билетов), кончается избиением железнодорожников, и случаи этих избиений регистрируются не единицами и не десятками, а сотнями в год. В этой области китайские солдаты, сильно не долюбливающие войны, великие мастера своего дела и действуют всегда упрямо, напористо и не задумываясь, будучи заранее убеждены в своей полной безнаказанности.

Мирное китайское население, да и все местное население ОРВП Китая вообще достаточно хорошо знает, что защиты от такой армии оно не дождется, и предпочитает обеспечивать свое благополучие собственными средствами без вмешательства воинских частей. Это и является причиной тех договорных перемирий, которые в довольно значительном количестве заключаются населением с хунхузскими шайками, устройства крестьянских фанз в виде миниатюрных крепостей и тому подобных явлений. Загнанное ранее в очень тяжелые условия, хунхузничество расцветает на этой почве пышным цветом, потому что такие регулярные войска не способны на серьезную борьбу с ним и, наоборот, часто даже сами пополняют его ряды.

Таково китайское „регулярное" войско. Зависимость от военного опыта, а следовательно и усмотрения капиталистических хищников, заинтересованных в возможно большем разложении Китая, лежит на нем тяжким проклятием. Немногим отличается от современного китайского „регулярного" войска и китайская полиция.

Основные китайские кадры этой полиции конечно те же, что и в войсках, но они как бы переведены на более привилегированное положение, чище одеты, лучше оплачиваются и несколько более вымуштрованы и подогнаны под образец полиции капиталистических стран. В остальном разницы нет, и горе конечно тому, кто по незнанию или по наивности вздумает прибегнуть в тяжелую минуту к защите этой полиции.

Для характеристики этого, казалось бы, парадокса достаточно будет упомянуть о двух случаях, имевших место в 1925 г. на диаметрально противоположных и находящихся друг от друга на расстоянии $1\frac{1}{2}$ тысяч километров концах КВЖД.

На станции Маньчжурия в садике около одного из железнодорожных домов играл шестилетний ребенок. Через этот сад заблагорассудилось почему-то пройти китайскому полицейскому, который, увидя мальчика, ни с того, ни с сего начал его избивать висевшей у него на боку шашкой. На крик ребенка прибежал его отец, который вырвал мальчика из рук озверевшего китайского полисмэна и тотчас же позвонил по телефону в полицейское управление, прося убрать из сада столь усердного блюстителя порядка. Из полицейского управления явился вскоре наряд полиции, который тут же на месте и начал свой соломонов суд. Пока расспрашивали отца ребенка, избивавший его полицейский юркнул за угол и оборвал там две пуговицы на своем мундире (эти пуговицы там же и были вскоре найдены), а затем заявил, что, когда он проходил через сад, мальчик бросился на него, начал его бить и оборвал у него пуговицы. В результате полицейский остался безнаказанным, а отец и его шестилетний мальчишка немедленно были арестованы и посажены в полицейский клоповник, в котором они провели около трех недель.

Почти одновременно с этим инцидентом на станции Пограничная китайскими полицейскими был зверски избит и брошен в каталажку русский рабочий. Железнодорожному врачу путем ряда мытарств удалось добиться того, что через три дня в очень тяжелом состоянии избитый был перевезен к себе на квартиру; но уже через два дня он получил предложение явиться в полицейское управление на допрос. Никакие протесты и указания врача на то, что больной совершенно не может двигаться, не помогли, и больного потащили на допрос и продержали в полицейском управлении целый день. После этого, вернувшись домой, он впал снова в бессознательное состояние, и положение его стало угрожающим. Несмотря на это, на следующий день полиция объявила, что он должен быть отправлен для следующего допроса на станцию Ханьдаохедзы, находящуюся приблизительно на полдороге от станции Пограничная до Харбина. Лечивший больного врач категорически заявил, что такого переезда больной не выдержит, и просил отложить его отправку до выздоровления. В ответ на это в квартиру больного явился полицейский (между прочим русский белогвардеец), поднял его с постели, погнал на вокзал и увез в Ханьдаохедзы. Избивавшие

рабочего полицейские ни на одну минуту не были арестованы и не понесли никакого наказания.

И опять—это не единственные в своем роде и не единичные случаи. Это только два случая из многих сотен других, почти ничем от них не отличающихся по возмутительности своей обстановки.

Один довольно крупный харбинский коммерсант подал однажды жалобу на своего знакомого, обвиняя его в оскорблении, а затем почему-то не явился к разбору дела. Судья обязал его личной явкой и повестку об этом послал ему через полицию. В назначенный для заседания день утром на квартиру жалобщика явился китайский полицейский, который, не говоря худого слова, вынул из кармана веревку, привязал его по китайскому обычаю к руке жалобщика повыше локтя и, несмотря на все протесты последнего и заверения его, что он сам пойдет в суд, повел его на веревке через весь город в камеру судьи, разбиравшего дело.

Понятно, что и все эти явления, свидетельствующие о полной никчемности, систематическом развале и крайней примитивности современного китайского административного аппарата, в конечном итоге упираются в ту же первопричину—своеобразную политику империализма, несколько видоизменившего старую римскую формулу „разделяй и властвуй“ и преобразовавшего ее в китайских условиях в новую формулу „разлагай и властвуй“.

Поддерживая беспрерывную смуту в Китае, сажая и свергая по своему усмотрению в его отдельных провинциях своих царьков и сатрапов, своих халифов на час или на год, агенты империализма достаточно зорко следят за тем, чтобы и административный аппарат Китая не окреп в той мере, в какой он мог бы уже представлять собою угрозу их интересам и дальнейшим успехам закрепления их влияния на китайской территории. И потому они делают все возможное для того, чтобы администрация Китая была такой же беспомощной и примитивной, как и его регулярная армия.

Единственное радикальное средство, которое помогает иногда в сношениях с китайской администрацией и полицией,—это всемогущая взятка, но и это средство только лишний раз подчеркивает общую зараженность атмосферы миазмами разложения. При помощи взятки в Китае можно сделать почти все, и нет, кажется, ни одного

китайского чиновника, от самого маленького до самого большого, который умел бы обходиться без взяток. Полиция конечно не составляет в этом отношении никакого исключения. Она ведь является только одной из составных частей всего административного аппарата.

Китайские администраторы в подавляющем своем большинстве вообще смотрят на взятку как на свой нормальный доход, без которого не стоило бы и быть администратором. Административная карьера рассматривается ими как своеобразное коммерческое предприятие, которое было бы бессмысленно, если бы оно не приносило никаких прибылей. Это доходит даже до мелочей.

При таком состоянии административного и полицейского аппарата не приходится конечно удивляться ничему, А в частности становятся вполне понятными и все те зверства, которые, возмещая неудачи китайских войск в их столкновениях с ОДВА на границах СССР, творили китайская администрация и полиция ОРВП над советскими гражданами, арестуемыми и бросаемыми в концентрационные лагеря, особенно, если вспомнить, что вся соответствующая тактика систематически подогревалась неустанным нажимом белогвардейцев, окончательно распоясавшихся после международного разрыва Китая с СССР.

СУД И АДВОКАТУРА В ОРВП

Китайский суд в ОРВП Китая не является типичным китайским судом, действующим на большей части его территории. Это так называемый реформированный, т. е. европеизированный суд, организованный специально для иностранцев и действующий на основании новых, только сравнительно недавно изданных уставов гражданского и уголовного судопроизводства. В то же время в общем своем построении он представляет собою как бы сколок со старого русского дореволюционного суда, действовавшего на его месте до 1920 г., с незначительными сравнительно отступлениями от его конструкции.

Это последнее обстоятельство имеет очень простое историческое объяснение. Фактический захват полосы отчуждения КВЖД царской Россией зашел так далеко, что дореволюционное российское правительство в деле осуществления экстерриториальности своих подданных на китайской территории не ограничилось одной лишь консульской юрисдикцией, а организовало в полосе отчуждения КВЖД для проживавших там российских подданных и свои нормальные суды. Вся линия КВЖД распалась вследствие этого на несколько мировых участков, каждый из которых был подсуден особому мировому судье, а в Харбине был учрежден Пограничный окружный суд, входивший в состав округа Иркутской судебной палаты, с состоявшим при нем обычного типа русским прокурорским надзором.

Все эти учреждения пережили не только создавшее их царское правительство, но, по исторической инерции, и эпоху Керенского и даже всю колчаковщину и были ликвидированы только летом 1920 г. На их месте был учрежден затем особый „ликвидационный суд“, который должен был только формально закончить дела, находившиеся в производстве упраздненных русских судов, и потому просуществовал очень недолго. Его вскоре сменили современные китайские суды ОРВП.

Суды эти построены по двойной системе трех инстанций, из которых вторая является апелляционной, а третья—

кассационной. В названиях этих инстанций сохранена даже старая русская терминология. Для дел маловажных первой инстанцией является мировое отделение окружного суда (заменившее собою прежних мировых судей), второю—окружный суд ОРВП и третьей—судебная палата ОРВП; для более серьезных и крупных дел первой инстанцией является окружный суд, второй—судебная палата и третьей—верховный суд или сенат, находящийся в Пекине.

Этим судам подсудны все дела иностранцев, проживающих в ОРВП и не пользующихся правом на экстерриториальность, в частности, и всех русских, причем китайский закон не делает в этом отношении никакой разницы между советскими гражданами и так называемыми „внеподданными", т. е. эмигрантами. Дела китайцев по взаимным их гражданским спорам и по уголовным их обвинениям, а следовательно и дела русских эмигрантов, принявших китайское подданство, этим судам не подсудны и рассматриваются вне полосы отчуждения КВЖД так называемым Биньцзянским окружным судом, находящимся в соседнем и в сущности даже сливающемся с Харбином китайском городе Фудзядяне. Это—не реформированный китайский суд, о котором мы в этом очерке говорить не будем.

Весь действующий в ОРВП суд построен на принципе рассмотрения дел единоличным судьей, и в этом отношении он значительно разнится от дореволюционных русских судов. Только апелляционная инстанция формально коллегиальна, но и эта ее коллегиальность, в сущности фикция, так как все так называемое следствие по делу ведется одним членом суда или палаты, являющимся докладчиком по делу. Он единолично выслушивает объяснения сторон и заключения экспертов, допрашивает свидетелей, разрешает вопросы о приобщении к делу тех или иных документов или об удовлетворении ходатайств сторон. И только тогда, когда он считает дело выясненным, собирается судебная коллегия из трех судей, и председательствующий предлагает сторонам еще раз дать по делу свои объяснения. Обычно выговорившиеся к этому моменту стороны комкают эти объяснения, ограничиваются формально необходимым, и никакой проверки следствия, произведенного членом-докладчиком, коллегия в подавляющем большинстве случаев не производит.

Китайскому суду ОРВП совершенно чуждо понятие единства процесса. Весь китайский судебный процесс разби-

вается на множество отдельных моментов, не связанных между собою ни хронологически, ни логически, ни часто даже единством разбирающего дело судьи. Более или менее сложные дела назначаются к слушанию по пяти и даже по десяти раз, да и самые простые дела редко ограничиваются одним заседанием. Каждое последующее заседание отделяется от предыдущего промежутком времени минимально в две-три недели, а иногда и в два-три месяца. Каждый раз дело редко слушается долее получаса или часа подряд, так как между часом и двумя и после пяти часов китайские судьи обязательно отдыхают и „чифанят“, т. е. закусывают или обедают, и дела всегда начинают слушаться не в назначенный час, а с большим запозданием. При этом каждый раз слушание дела начинается как бы с самого начала: задаются сторонам прежние вопросы, еще и еще раз требуются разные объяснения и справки и т. п. Часто случается, что судья, разбирающий данное дело, во время его длительного производства уезжает в отпуск и его неожиданно заменяет в одном или двух промежуточных заседаниях его заместитель, а затем дело снова возвращается к первоначальному судье.

Когда судья считает, что дело достаточно разъяснено (а этого момента никогда заранее ни по каким признакам определить нельзя), он прекращает объяснения сторон и объявляет, что слушание дела окончено и резолюция по нему будет оглашена тогда-то. Объявление резолюции откладывается обычно на срок от трех до семи, а иногда и на большее количество дней. Таким образом, с одной стороны, у судьи нет никогда единого и цельного впечатления от прошедшего перед ним дела, производство которого разбивается на ряд разделенных большими промежутками времени моментов, а с другой,—и решение по делу никогда не выносится под непосредственным впечатлением, а пишется значительно позднее в тиши канцелярии или рабочего кабинета.

Обстановка судебного процесса в судах ОРВП естественно чрезвычайно своеобразна. Все судоговорение идет на китайском языке, которого участвующие в деле стороны в большинстве случаев не знают и не понимают. Поэтому во всех заседаниях суда обязательно присутствует так называемый „драгоман“, т. е. переводчик, через которого стороны и сносятся с судьей. Естественно, что этот драгоман занимает центральное место в судоговорении и от него

зависит очень многое, тем более, что не знающие китайского языка стороны абсолютно не в состоянии проверить точности его перевода. Отсюда и очень частые в харбинской обстановке попытки подкупа суда направляются обычно прежде всего на драгомана.

Для того чтобы обезопасить себя от произвола драгомана и его отсебятины, сторонам приходится принимать ряд мер предосторожности. Так прежде всего только очень неопытный человек произносит в китайском суде длинные речи без остановок, так как каждая такая, хотя бы получасовая, речь передается драгоманом судье в нескольких словах, причем остается совершенно неизвестным, насколько правильно понял ее и сам драгоман. Поэтому более опытные люди произносят в китайском суде не более двух-трех фраз под ряд и просят о переводе их судье для того, чтобы эти фрагменты речи доходили до него в более точном и полном переводе. Кроме того в интересах той же предосторожности стороны очень часто тотчас же после заседания излагают все данные ими объяснения на бумаге, переводят их на китайский язык и подают в суд для приобщения их к делу в письменном виде.

Приходится к тому же отметить, что судебный драгоман далеко не всегда ограничивается пассивной ролью в деле. Иногда он проявляет совершенно несоответствующую его положению в процессе активность и создает большие затруднения для сторон. Нередко можно слышать довольно горячие диалоги между стороной и драгоманом, вроде следующего:

— Моя так не может говори судье!

— Почему не может?

— Не может, потому что так несправедливо.

— Вы все-таки передайте господину судье то, что я сказал, а он уж разберет—что справедливо и что несправедливо.

— Нет, моя так не может говори!

— Да ведь не вы же судья! Вы должны ему переводить все, что говорит сторона.

— Нет, моя так не может говори, потому что так несправедливо.

Заставить драгомана передать ваши слова судье, если он этого не хочет, у вас нет никакой возможности, тем более, что сам судья никогда не вмешивается в такие диалоги и не интересуется их содержанием.

Эта чрезвычайно своеобразная, еще не успевшая устояться и освободиться от естественных в начале каждого дела недочетов, обстановка суда еще более уродуется и искажается обслуживающей его адвокатурой.

Русская адвокатура в Харбине существовала до революции с тех пор, как там появились русские суды, т. е. фактически почти с самого возникновения Харбина, порожденного к жизни постройкой КВЖД. Она была образована в нормальном порядке дореволюционных законов о сословии присяжных поверенных и в существе своем ничем не отличалась от адвокатуры любого провинциального города старой России.

За годы революции и гражданской войны в Харбин сбежалось не мало старых матерых юристов, работавших ранее в самых разнообразных местах, условиях и положениях. Среди них оказались и беженцы-адвокаты, и земские начальники, и чины старого прокурорского надзора, и члены дореволюционных окружных судов, и бывшие мировые судьи, и даже просто всякого сорта подпольные ходатаи. Все они привезли с собою в Харбин ненависть к большевикам или страх перед ними и волчий аппетит, и естественно, что всем им нужно было так или иначе пристроиться, чтобы поддержать свое бренное существование. Они-то и облепили собою прежнее ядро старой харбинской адвокатуры.

Ликвидируя в ОРВП прежние российские суды и учреждая на их месте свой китайский суд, правительство китайской республики понимало конечно, что обслуживание этих судов исключительно китайской адвокатурой, когда большинство тяжущихся в них—русские, будет недостаточным и не достигающим цели. Поэтому декретом президента китайской республики (в то время он еще существовал) было установлено, что в число присяжных поверенных в ОРВП могут приниматься с разрешения министерства юстиции также и проживающие в ОРВП русские юристы, удовлетворяющие требованиям, которые были установлены дореволюционным русским законодательством для зачисления в русскую адвокатуру. Такие адвокаты должны были пользоваться всеми правами китайских адвокатов за исключением только одного: они не имеют права выступать на суде от имени китайских подданных, китайских учреждений и китайских юридических лиц.

Впрочем и в этом направлении была найдена очень

простая лазейка. Действующие китайские законы допускают выступления в качестве поверенных на суде любого гражданина вне зависимости от того, имеет ли он звание присяжного поверенного или нет. Разница между теми и другими заключается только в том, что зарегистрированные присяжные поверенные выступают перед судом в особых тогах и шапочках особого образца и занимают в зале заседаний специально адвокатские места, поверенные же, не входящие в состав зарегистрированной адвокатуры, выступают в своем обыкновенном костюме и сидят в стороне на запасных скамьях, а свои объяснения обязаны давать, стоя у решетки перед столом суда, у которой обыкновенно допрашиваются свидетели и эксперты. В связи с этим на обывательском языке харбинцев практикующие в судах адвокаты разделяются попросту на тогированных и не тогированных. Русский тогированный адвокат по закону не может представлять на суде интересы китайского подданного, если он сам в китайском подданстве не состоит. Но нетогированному адвокату, в каком бы он подданстве ни состоял, это не запрещено. Поэтому декрет президента обходится в этом вопросе очень просто: тогированный адвокат, принимая к своему производству дело китайского подданного, снимает тогу и выступает в суде в качестве нетогированного адвоката. Не нужно думать, что это делается за спиной суда и последний не знает ничего о такой метаморфозе. В 1926 г. в окружном суде ОРВП слушалось дело, по которому одним из ответчиков было Харбинское общественное управление, действовавшее в то время еще по старому положению о нем, утвержденному правлением КВЖД в ноябре 1907 г., и представленное в суде своим юрисконсультом—русским внеподданным тогированным адвокатом. В этом же году китайская администрация Харбина устроила некий муниципальный переворот, распустила прежнее Общественное управление и учредила на его месте китаизированный Временный комитет, который естественно должен был уже рассматриваться как китайское учреждение. Поэтому, когда в следующее судебное заседание по делу явился тот же поверенный, уже представивший доверенность от нового комитета, судья заявил ему, что не может его допустить, так как русский присяжный поверенный не может представлять в суде интересы китайского учреждения. Поверенный Временного комитета выслушал это заявление и затем тут же, на глазах у суда,

снял с себя тогу и шапочку, сложил их в портфель, пересел с адвокатского места на заднюю скамью и продолжал свое участие в деле в качестве нетогированного адвоката, что не вызвало никаких сомнений у рассматривавшего дело судьи.

Тогированные адвокаты избирают из своей среды особый комитет присяжных поверенных, который конструируется на паритетных началах из пяти китайцев и пяти русских, причем председателем этого комитета избирается китаец, а товарищем председателя—русский. Этот комитет облечен дисциплинарной властью в отношении тогированных присяжных поверенных и ведает сбором с них специальных адвокатских взносов, но дисциплинарная деятельность его поставлена очень слабо и его надзор над деятельностью адвокатов почти не дает себя чувствовать.

В последнее время в ОРВП числилось около 100 тогированных адвокатов, причем приблизительно половина этого числа падала на русских. Но конечно те 40—50 человек русских присяжных поверенных, которые уже облеклись в адвокатские тоги китайского суда, далеко не исчерпывают кадров кормящейся около этого суда белой адвокатуры. По меньшей мере столько же, если не больше еще, русских юристов или даже и совсем не юристов систематически ведут адвокатскую работу в Харбине, не будучи зарегистрированными министерством юстиции адвокатами. Регистрация стоит довольно дорого (она обходится около 400 харбинских даянов), а потому не всякому по карману; ряд юристов (хотя бы все бывшие помощники присяжных поверенных, не закончившие своего стажа) не удовлетворяет формальным требованиям дореволюционного русского закона об условиях принятия в адвокатуру; наконец состояние в числе тогированных адвокатов накладывает все-таки некоторые, хотя бы и минимальные, обязательства—необходимость уплачивать адвокатские взносы и отвечать перед дисциплинарным судом комитета, а это далеко не всем улыбается, а поэтому многие предпочитают срывать цветы адвокатских заработков, не накладывая на себя решительно никаких обязательств.

В связи с этим все самое отвратительное, на что можно было натолкнуться в адвокатской среде в прежнее время, за что тогда грозило длительное запрещение практики или исключение из адвокатуры, бледнеет перед той окончательной и совершенно беспримерной разнузданностью

нравов, которою отличается современная харбинская адвокатура.

Оно и понятно. Впитавшая в себя самые разнообразные, общественно совершенно разложившиеся и бездомные элементы, не знающая никаких формальных сдержек в своей работе, никем и никогда почти не контролируемая и не призываемая к порядку, охваченная только стимулом борьбы за существование или погони за легкой наживой, эта адвокатура и не может быть иной.

В харбинском суде вы очень часто можете наблюдать, как выступающие перед ним адвокаты беззастенчиво лгут или всячески стараются ввести суд в заблуждение, пользуясь иногда даже его незнанием русского языка. При этом сплошь и рядом адвокаты противных сторон обзывают друг друга тут же в заседании суда лгунами. Бывают случаи, когда суду представляется заведомо искаженный перевод того или иного документа для того, чтобы он мог обеспечить выигрыш дела. Очень часто можно натолкнуться на попытки подкупа драгоманов и даже судей. Охота за делами ведется в самом непринужденном порядке: клиентов прямо ловят в суде и на улице, перехватывают друг у друга. О каком бы то ни было взаимном доверии и уважении в такой атмосфере конечно не может быть и речи.

Несмотря на все свои совершенства и недостатки, современный китайский суд в ОРВП все-таки гораздо больше похож на суд, чем та безобразная и издевательская пародия на судебное разбирательство, которая именуется консульскими судами.

РАБОЧИЙ ХАРБИН

Если на отполированной поверхности Харбин—город безнадежно обывательский, а его обыватель изумительно бескультурен, если к тому же его население сильно прослоено заживо разложившимися и заражающими своим зловонием всю его атмосферу белоэмигрантскими элементами, то не надо однако забывать и о том, что через него проходит КВЖД, которая имела в последние годы до 17 тысяч служащих и рабочих, не считая временных и сезонных, и главные мастерские и депо которой расположены в том же самом Харбине.

Благодаря этому и в самом Харбине и на всей линии дороги есть еще одна огромная по своей численности и значению группа населения—это русские рабочие, как железнодорожные, в узком значении этого слова, так и работающие в мастерских дороги или в других предприятиях.

До революции 1917 г. Харбин фактически был не иностранным, а рядовым провинциальным русским городом и пролетариат Харбина жил одной жизнью с пролетариатом всей России.

Поэтому и харбинские профессиональные организации и рабочее движение в Харбине насчитывают уже около трех десятилетий своего существования. Харбин знает своих неутомимых общественников, своих героев революционных будней, свято охранявших священный огонь революции в самые тяжелые годы господства всероссийской реакции и пронесших его сквозь строй этих годов ко дню крушения российского самодержавия и Октябрьской победы революционного пролетариата.

Харбинские рабочие активно участвовали в революции 1905 г., которая им была особенно близка после прошедшей перед их глазами вакханалии тыла бесславной русско-японской войны, и их наиболее яркими представителями была затем набита харбинская тюрьма, когда окрепшее на-время самодержавие расправлялось в последний раз со своими разбитыми врагами. На своем боевом революционном посту харбинские рабочие встретили и революцию

1917 г. В течение всего этого года в одном из домов на Хорватовском проспекте Харбина, ныне занятом дубанем КВЖД, заседал Харбинский совет рабочих и солдатских депутатов, бывший в то время единственной авторитетной властью в Харбине.

Бесконечно далекий и совершенно отрезанный в конце 1917 г. от центра Маньчжурский закоулок оказался по международным условиям одним из наиболее удобных мест, в котором могла беспрепятственно скопляться, расти и оперяться, прячась за спину интервенции, начавшая в то время поднимать голову российская контрреволюция. И уже очень рано, еще в самом начале 1918 г., еще до выступления чехов и появления Комуча [1] в Поволжьи, она свила себе в Харбине и вокруг него прочное гнездо.

По КВЖД потянулись бесконечные поезда международных интервентских эшелонов, направлявшихся в Сибирь. Для того чтобы обеспечить их тыл, дорога была подчинена особому межсоюзному комитету, Харбинский совет рабочих и солдатских депутатов был ликвидирован, а затем очень быстро и самый Харбин и вся Маньчжурия превратились в тот гнилой угол, в котором, как гады, копошились и из которого выползали самые мрачные и самые гнусные фигуры российской контрреволюции.

Харбин оказался фактически зажатым между двумя застенками: атамана Семенова в Забайкальи и атамана Калмыкова в Приморьи. Семеновские броневики невозбранно циркулировали по КВЖД, а его опогоненные заплечных дел мастера хозяйничали в Маньчжурии, в Харбине и на всей линии КВЖД, как у себя дома. Даже вся его армия носила характерное название „Особого маньчжурского атамана Семенова отряда“—ОМАСО.

Это был тот первый после революции период, когда харбинским рабочим и профессиональным организациям пришлось уйти в дореволюционное подполье. Не теоретически, не по рассказам, не по историческим фильмам, а на своей собственной шее и спине они познали всю подлость и гнусь нашей отечественной контрреволюции, подпертой штыками интервенции, и научились ее ненавидеть. Палачи семеновских застенков рыскали по Харбину, насильничали, стреляли из-за углов (среди бела дня на глазах у огром-

---

[1] Комуч — Комитет членов учредительного собрания, образовавшийся в Самаре в июне 1918 г.

ной толпы на улице зверски убили члена редакционной коллегии рабочей газеты А. Чернявского) и приучили харбинского рабочего любить революцию и всеми фибрами пролетарской души тянуться к тому, что делалось за десятками всяких контрреволюционных застав и кордонов, в бесконечно далекой в то время Советской России.

И когда все эти заставы и кордоны начали наконец трещать под ударами наступавшей на восток Красной армии, когда пал Колчак, бежал и погиб в Китае атаман Калмыков, освободился Владивосток и оставался пробкой в Забайкальи только один атаман Семенов и обосновавшиеся под его гостеприимным крылышком „каппелевцы", все еще отрезавшие Манчжурию от далекой РСФСР, харбинские рабочие не выдержали и перешли в наступление. В июле 1920 г. на дороге была объявлена всеобщая забастовка.

Она дорого обошлась харбинским рабочим. Условия борьбы были слишком неравны и неблагоприятны для них. Но тем не менее эта забастовка сыграла огромную политическую роль в истории Северной Маньчжурии.

Окончательный развал семеновщины и образование у маньчжурских границ Китая в конце 1920 и начала 1921 г. Дальневосточной республики знаменовали собою новый этап в жизни полосы отчуждения КВЖД. После революционных бурь и напряжения гражданской войны она вдруг точно выключилась из общей цепи развертывавшихся в течение трех с лишком лет событий и перешла на мирное положение.

Но чем глуше и непроницаемее была стена между Маньчжурией и Советской страной, тем пытливее пробивалась через нее революционная мысль харбинского пролетариата, точно выбитого неожиданно из боевой колесницы революции, которая мчалась теперь в своем победном беге где-то мимо него, тем упорнее стремился этот пролетариат познать и уяснить себе ее подлинное лицо и ее исторические пути. Фактически неизвестный и только смутно представляемый по рассказам Советский Союз стал в центре политического внимания харбинского пролетариата.

Однако положение рабочих ухудшалось с каждым днем. В начале 1921 г. управляющим КВЖД был назначен инженер Остроумов. Он начал энергично подтягивать дорогу, но в то же время проложил и первые пути своеобразной американизации Харбина. Это был тот период, когда ме-

щанский Харбин впервые закружился в фокстроте. Громы гражданской войны остались где-то позади. Сбежавшиеся в Харбин помещики и спекулянты еще не успели спустить вывезенных ими из России сбережений, и деньги лились рекой. Воинствующие белогвардейцы постепенно осознавали свое поражение и складывали в сундуки свои опогоненные мундиры и ставшие ненужными офицерские реликвии, надеясь, что они еще понадобятся им в другие времена, а пока стараясь вместе с другими беженцами пристроиться к мирному труду или общественному пирогу на дорогу или в китайские учреждения. И чем больше закреплялось это новое положение, чем больше увеличивались кадры людей, заинтересованных в его незыблемости, тем больше рос и их страх перед тем, как бы всемогущие большевики не добрались и до Харбина и не перевернули вверх дном его гнилое болото со всеми застрявшими в его тине чертями.

Из этого страха и выросло постепенно гонение на рабочие и профессиональные организации. Они рассматривались не иначе как „большевистские", как могущие разрушить все только что отстоявшееся благополучие.

Казалось бы, при создавшихся в Харбине условиях снова готова была почва и для гнилостного пораженческого разложения рабочего движения и для новой вспышки активности местных организаций социалистических соглашателей всех оттенков. И не нужно конечно думать, что представители этих погребенных революцией группировок там окончательно перевелись. Они конечно там были, и некоторые из них, не блещущие впрочем политическими талантами, сохранили свою полную антисоветскую активность. Но эта их активность натолкнулась на глухую стену в рабочей среде, и все эти группировки могли только или самоликвидироваться, признать себя окончательно выведенными из политического строя, или откровенно объединиться с белогвардейщиной. Уже в конце 1922 и начале 1923 г. местная организация эсеров треснула и распылилась окончательно: часть ее работников заявила о своем выходе из нее, другая связалась с наиболее реакционными беженскими и белогвардейскими группами и перестала чем-бы то ни было от них отличаться, потеряла свое лицо.

Харбинский же рабочий класс остался единым. Ни белогвардейско-китайские полицейские репрессии, ни преследования его профессиональных организаций не испу-

тали и не обманули его, не изменили ни на иоту его устремлений. Все его помыслы, все его молчаливое упорство тянулись к советам, и, стиснув зубы, отчасти уйдя в подполье, отчасти забившись в темные углы рабочих кварталов, он терпеливо, но настойчиво ждал того момента, когда через головы фокстротирующих дельцов, отупелого мещанства и обнаглевшей белой эмиграции он сможет протянуть свою руку рабочему классу СССР и хоть чем-нибудь помочь ему в деле развертывающегося грандиозного социалистического строительства.

Этот момент наступил после Мукденского соглашения в октябре 1924 г., когда КВЖД перешла в совместное ведение СССР и Китая, а во главе ее управления появился советский управляющий дорогой.

Харбинский рабочий класс встретил это событие как величайшее и долгожданное свое торжество. Трусливая растерянность, которую проявила при этом событии белая эмиграция, колебания, с которыми подошла к нему не сумевшая сразу определить своей новой линии поведения местная китайская администрация и начавшаяся в связи с этим в Харбине—правда, очень недолговечная—политическая весна дали ему возможность достаточно определенно, решительно и громогласно выявить свои настроения. И настроения эти не оставили никаких сомнений.

Харбинские рабочие жадно ловили каждое новое слово о Советском Союзе, который вырос за годы оторванности от него Харбина на земле, обагренной кровью гражданской войны и засыпанной пеплом ее догоравших пожарищ, о Советском Союзе, о котором они еще так мало знали. А потому их интересовало решительно все: и государственный строй СССР, и экономическая политика советской власти, и новое положение в Советском Союзе рабочего класса, и судьбы российского крестьянства, и вопросы обороны нового рабоче-крестьянского государства, и новое советское право, и новые методы просвещенской работы и т. д. Они жадно хотели все сразу узнать, оценить и постигнуть, чтобы примкнуть к великой революционной стройке своего нового социалистического отечества.

И в то время, когда где-то во втором этаже харбинской общественной надстройки пятидесятилетние американизированные Яши П. с отменной идиотичностью тянули свои очередные коктайли и дергались, как марионетки, в каталепсических припадках чарльстона, в то

время как белый Харбин пугливо озирался по сторонам на нависшие над его улицами красные флаги или в порыве бессильного бешенства и политической падучей срывал и топтал их, как эмблему своего окончательного поражения, харбинские рабочие с жадностью ловили и проглатывали буквально каждое слово появившихся в их среде советских работников, говоривших им о Советском Союзе, его международной политике, его хозяйственных достижениях и бурном росте его социалистического строительства.

Стремление услышать все это было так велико, что нехватало докладчиков, которые могли бы его в полной мере обслужить. А каждый доклад, читаемый хотя бы в самых неподходящих условиях и даже иногда на эзоповском языке, выслушивался с затаенным дыханием и собирал такое количество слушателей, что становилось трудно дышать, а в летнее время они заполняли не только помещение, в котором он делался, но и все то пространство, на котором можно было слышать докладчика через открытые двери или окна. И каждый такой доклад вызывал одно, всегда одно и то же требование: „Еще, еще!“

Но и такие доклады можно было слушать недолго. Харбинская весна кончилась скоро, и уже к концу 1925 г. создалось положение, при котором устройство массовых докладов оказалось совершенно невозможным. Особенно в такие дни, как 7 ноября и 1 мая, устройство массовых собраний советских граждан было крайне затруднено.

Провоцируемая поднявшими голову белогвардейскими организациями китайская полиция усиленно загоняла в подполье общественную жизнь и работу харбинских рабочих и профессиональных организаций. Обыски и аресты среди советских профработников сделались повседневным заурядным явлением. Начали систематически производиться полицейские налеты на помещения профсоюзов.

Характерно при этом, что в большинстве своем харбинские профессиональные союзы продолжали существовать формально на легальном положении. Закрыт был только, казалось бы, самый невинный и безобидный из них— Рабис. Окончательно прикрыть остальные союзы китайцы не решались, и союзы эти продолжали существовать под постоянной угрозой преследований и всевозможных репрессалий, объединяя в некоторых случаях многие тысячи своих членов (союз транспортников, металлистов, совторгслужащих, работников просвещения и т. д.). На том же

положении продолжал существовать и Харбинский совет профессиональных союзов.

Допуская формальное существование на легальном положении как профорганизаций, так и рабочих клубов (Библиотека-читальня харбинских механических мастерских, ее отделение в Московских казармах, клуб Харбинского узла, клуб Старого Харбина, железнодорожные собрания на линии дороги), китайская администрация стремилась лишь к тому, чтобы сделать это существование совершенно бесплодным, не имеющим смысла, чтобы лишить его всякого интереса, не дать этим организациям и клубам проводить какую бы то ни было работу среди своих членов. Но в то же время она никогда не предпринимала серьезных попыток разложить эти организации изнутри, понимая, что такая задача совершенно безнадежна и ограничивалась только тем, что держала в их рядах своих информаторов, которые по шаблону доносили о том, что делается и замышляется этими организациями и клубами. Общая работа по разложению профдвижения конечно велась, но она была направлена не на устоявшиеся уже профорганизации, а на неорганизованную массу служащих и рабочих вообще.

В этих целях уже сравнительно давно был создан в Харбине особый китайский зубатовский „профсоюз" железнодорожных служащих и рабочих, который должен был составлять известный противовес советскому союзу транспортников и отвлекать от него общественные стремления служащих и рабочих дороги. Само собою разумеется, что в то время как на союз транспортников лился щедрый поток административно-судебных репрессалий, китайский „профсоюз" благополучно здравствовал и получал всякие льготы. Но это помогло ему, как мертвому банки. Объединяя в своем составе горсточку каких-то китайцев, точно насильно в него записанных по распоряжению начальства, и некоторую группу русских белоэмигрантов, стремившихся демонстрировать свою лойяльность перед китайским начальством, этот профсоюз был и остался той бесплодной смоковницей, которая несет на себе проклятие полицейской провокации и политического предательства.

Харбинские рабочие остались верны себе, своим революционным традициям и Советскому Союзу, несмотря на все полицейские мероприятия китайской администрации, которые всячески изолировали их от советских влияний.

Даже больше того: сыпавшиеся на советские профорганизации репрессии содействовали пробуждению классовой сознательности огромного числа китайских рабочих, работавших вместе и рядом с русскими рабочими на КВЖД, и они начали вступать в профсоюзы, объединявшие советских трудящихся. Тогда прибегли к последнему средству: на сцену выступила разнуздавшаяся белогвардейщина, уже начавшая строить свои фашистские организации. В темных углах Харбина организовались целые бандитские организации белогвардейцев и шайки фашистской молодежи, которые начали производить расправы с советскими гражданами на всех окраинах Харбина. Там, где не помогли полицейские репрессии и политическая провокация, начинал применяться старый испытанный истинно-русский метод воздействия—

Удар зубодробительный,
Удар искросыпительный,
Удар скулловорррот!!

Впрочем он применялся конечно с разрешения того же китайского начальства, и значительная часть массовых избиений советских граждан или советской молодежи производилась на глазах—а иногда даже и при благосклонном участии—китайской полиции.

В таких условиях перед советскими работниками Харбина стояла тяжелая и трудно разрешимая задача: с одной стороны, как-то объединить вокруг себя все советское население ОРВП, подчинить его своему влиянию, пойти навстречу его требованиям живой и регулярной связи с Советским Союзом, а с другой—делать все это через ту стену, которую воздвигли между ними и харбинским пролетариатом китайские милитаристы и их белогвардейские прислужники.

Задача эта так и осталась пока не разрешенной в полной мере, так как все попытки установить прочную и постоянную связь советских руководителей дороги с массой советских служащих и рабочих неизменно истолковывались, как активная коммунистическая пропаганда. И тем не менее можно не сомневаться в том, что харбинский пролетариат неразрывными узами связан с Советским Союзом, живет одною с ним жизнью и одними стремлениями. И никто никогда не сможет порвать этой прочной пролетарской связи.

ЮЖНАЯ МАНЬЧЖУРИЯ

Демаркационная грань между Северной и Южной Маньчжурией — это небольшая, как бы нейтральная, зона между станциями Куаньчендзы и Чаньчунь. Куаньчендзы—это последняя станция идущей от Харбина южной ветки КВЖД, Чаньчунь—это конечный пункт Южно-маньчжурской ж. д. Нейтральная зона между этими станциями проложена когда-то в 1905 г. Портсмутским договором, закончившим русско-японскую войну. Она знаменует собою победу Японии Микадо над царской Россией. До этой победы не было Южно-маньчжурской дороги, а была только Южно-маньчжурская ветка КВЖД, шедшая из Харбина, не до Куаньчендзы, а далее через Чаньчунь и Мукден, до Дальнего (ныне Дайрена) и Порт-Артура.

Давно залегла эти невидимая, но ярко ощущаемая грань между КВЖД, с одной стороны, и Южно-маньчжурской ж. д.—с другой.

Давно отгремели громы далекой войны, впервые серьезно пошатнувшей трон российского самодержавия.

Но по сторонам дороги всюду разбросаны реликвии войны. Вот памятник двум японским шпионам, расстрелянным в тылу русской армии. Вот та последняя грань, до которой докатилось японское наступление. Вот поля, обильно политые и русской и японской кровью во время сражения под Мукденом. Вот памятник японским солдатам, павшим в этом сражении, а вот здесь было недавно откопано чудовищное множество человеческих костей, когда на месте этого старого, наспех устроенного братского кладбища кому-то заблагорассудилось построить какое-то здание и пришлось потревожить вечный сон этих безвестных воинов, увлажнивших своею кровью эту чужую далекую землю и в ней же спокойно истлевших в течение последующих двадцати лет.

Однако, когда вы попадаете из Харбина в Чаньчунь, вас поражает прежде всего не это, а совсем другое. В Харбине вы привыкаете к тому, что хозяевами в Китае являются сами китайцы. Здесь эта ваша уверенность сразу

исчезает, и вы быстро убеждаетесь в том, что попали на территорию, хозяевами которой являются не китайцы, а японцы.

В Китае так же, как и во всех других странах мира, гостиницы высылают на вокзалы своих агентов. Но агенты эти ведут себя там не так, как во всех других странах мира. Они собираются на перроне и при подходе поезда начинают необыкновенно дикими голосами выкрикивать названия своих гостиниц, стараясь перекричать всех остальных. В Чаньчуне этот обычай своеобразно преобразован. На перроне вы не видите ни одного агента гостиницы, но стоит вам выйти на площадь перед вокзалом, как вам немедленно бросается в глаза длинная их шеренга, прямая, как стрела, в которой они выстроены в затылок друг другу. Где-то неподалеку маячит фигура японского железнодорожного жандарма. Ваше появление вызывает движение в шеренге агентов. Они тотчас же оживляются, начинается их характерный крик, а восточный их темперамент немедленно отражается на стройности их шеренги. Кто-то размахивает руками, кто-то выдвигается вперед, и вся линия хвоста ломается в нескольких местах. Маленький японский бобби отделяется от своего места, поднимает, сохраняя всю неизменную каменность своего лица, свою дубинку и начинает энергично гулять ею по рукам, по спинам, по головам китайцев, нарушивших установленный порядок, до тех пор пока их шеренга не выпрямляется снова, как стрела. Вы не слышите при этом ни одного протеста со стороны избиваемых китайцев, а исполнивший свой своеобразный служебный долг японец возвращается на свое место.

Это не случайное явление—это общий быт всей полосы отчуждения Южно-маньчжурской ж. д. и всех расположенных по ее линии японских концессий. Китайцы перестают здесь быть хозяевами своей страны и могут делать только то и так, что и как угодно — подлинным и единственным хозяевам дороги — японцам.

Вся дорога имеет чисто японский вид. На станциях ее торчат японские жандармы и японская администрация, у ее насыпи возятся и играют японские детишки, в вагонах японские кондуктора и проводники, в вагон-ресторане японская прислуга, на паровозах машинисты и кочегары—японцы. На каждой остановке, особенно в городах, вас поражает огромное количество японского населения

и японских учреждений, вплоть до почты и телеграфа. Если вы будете посылать телеграмму в Японию хотя бы из Куаньчендзы, вы оплатите ее по очень дорогому международному тарифу. Из соседнего Чаньчуня та же телеграмма уйдет по внутреннему японскому тарифу по 5 сен за слово, как будто вы находитесь уже на территории самой Японии.

Чрезвычайно странное впечатление производит Мукден—эта столица Трех восточных провинций Китая, резиденция раньше всемогущего диктатора всего Северного Китая, маршала Чжан Цзо-лина, а сейчас его сына Чжан Сюэ-ляна. Непосредственно с вокзала вы попадаете на очень обширную территорию японской концессии, и вам нужно пройти или проехать не меньше трех километров, прежде чем вы попадете в китайский город, в котором находится и маршальский дворец. Японская концессия отделяет его от железной дороги, как стена, ворота которой открываются только с разрешения японского начальства. Весьма непопулярный среди населения, даже откровенно ненавидимый им покойный маршал Чжан Цзо-лин выезжал из своего дворца только под усиленной охраной, и вокруг его автомобиля, когда он направлялся на вокзал, всегда скакал целый эскадрон китайской кавалерии. Но стоило этому автомобилю подойти к границе японской концессии, как весь этот огромный эскорт таял, как дым, и автомобиль ехал дальше уже без всяких признаков охраны: появление на территории японской концессии китайских военных при оружии категорически воспрещено, и японцы не допускают никаких исключений из этого правила.

В 1926 г. на Мукденском вокзале произошел довольно характерный в этом отношении случай. Во время одного из проездов через Мукден убитого впоследствии вместе с Чжан Цзо-лином цицикарского генерал-губернатора У Цзинь-шеня, из которого мукденское правительство в то время усиленно делало национального героя, собралось проводить его довольно много военных. В то время как У Цзинь-шень уже был в вагоне, японский жандарм заметил, что из здания вокзала на перрон вышли два китайских полковника в парадной форме, повидимому прибывшие для участия в проводах, причем у них оказались на боку кобуры с револьверами и шашки. Пораженный таким необыкновенным явлением, а с его точки зрения—просто наглостью такого появления, японский жандарм быстро

направился к ним, несколькими ловкими движениями сорвал с них шашки и револьверы, а заодно и погоны, в порыве своего патриотического усердия отвесил им несколько звонких оплеух и выгнал с вокзала. Изобиженные полковники мирно пошли по домам уже без оружия и без погонов, а об этом случае не было затем даже особых разговоров: он был в порядке вещей.

Но именно в Мукдене легко почувствовать и уяснить себе некоторые причины такого положения вещей, так как непосредственное соседство в нем китайцев и японцев даст богатейший материал для целого ряда характернейших сопоставлений.

Стоит вам отъехать от Мукдена в сторону от железной дороги на 5 километров в одну сторону или на 12 километров в другую, как вы попадаете на древние императорские могилы.

Вы проходите через внешний двор могил с его характерными, тихими, точно вымершими, китайскими домиками и оказываетесь перед высокой каменной стеной с башнями по углам и над главным входом, напоминающей наши кремлевские стены. У ворот сидит китайский солдат. В сущности его обязанность и задача — не пускать посетителей в святое святых, во внутренний двор могил. Но вы молча протягиваете ему одну японскую иену, и проход оказывается свободен.

Вот наконец перед вами и внутренний двор могил, но вы напрасно будете искать в нем эти могилы: их там нет, и только у задней стены двора перед вами вырастает небольшой раззолоченный храм совершенно необыкновенной работы, напоминающий дорогую китайскую безделушку. На его изогнутом по-китайски карнизе висят прозрачные, еле видные стеклянные колокольчики и, когда утренний ветерок колышет их своим легким дыханием, они издают нежный, еле слышный гармонический звон, кажущийся отзвуком каких-то бесконечно далеких, давно умерших звучаний.

Вы спросите, может быть: хотя это и не особенно важно, но где же могилы? О, они тут же рядом, но уже за храмом и даже за стеной этого внутреннего двора. За нею высится большой холм, а в этом холме спят вечным сном покойные китайские богдыханы.

Когда вы невольно сопоставляете тишину и безмолвие этих могил с шумом и грохотом находящегося всего

в 5 километрах от них Мукденского вокзала японской Южно-Маньчжурской ж. д. с врывающимися в него каждые полчаса поездами, с вечной суетой куда-то торопящейся толпы, с надрывным сигнальным звоном паровозных колоколов, с дребезжанием электрических звонков, предупреждающих об отходе поездов, с юркими, всюду поспевающими фигурами маленьких японцев, — вы начинаете понимать, что старому Китаю пришел конец. Встает новый, молодой Китай, ненавидящий своих иноземных поработителей и рвущийся к новой свободной жизни. В Южной Маньчжурии вы ощущаете пока только скованность старого, порабощенного Китая. Молчат его гостиничные агенты в Чаньчуне, избиваемые дубинкой японского жандарма, молчат его долготерпеливые рикши, подгоняемые стэками иностранных резидентов, молчат его похожие на ворон в павлиньих перьях полковники, когда тот же японский жандарм срывает с них оружие и погоны и пинками выставляет их с вокзала, молчат даже могущественные маршалы, когда взлетают на воздух их отмеченные японской милостью отцы, путешествующие по дороге, к которой нет доступа никому кроме японцев.

Япония цепко держит в своих руках свои портсмутские достижения и не выпустит их без тяжелой борьбы. Она пропитала своим влиянием всю территорию Южной Маньчжурии, фактически зажала в свои тиски весь китайский аппарат ее управления и зорко следит за всяким хоть сколько-нибудь подозрительным движением в этой сфере своего влияния. Ее агенты, как Патэ-журнал, все видят, все слышат, все знают: никто и ничто не сможет ускользнуть от их внимания.

Это Южная Маньчжурия зажата в японском кулаке, и все ее грозные правители—не больше чем японские марионетки.

Они могут спокойно сидеть в своих дворцах до тех пор, пока не начнут рыпаться. Они могут проявлять свою инициативу и выкидывать какие угодно дипломатические курбеты по отношению к КВЖД и СССР. Фактическими хозяевами Южной Маньчжурии это даже приветствуется, но там, где сидят сами эти хозяева, такие курбеты не поощряются, за ними следуют внушительные хозяйские пинки,—все равно страдает ли от них физиономия какого-нибудь китайского полковника или даже некий железнодорожный мост.

Правда, в последнем случае «японскому командованию об этом ничего не известно».

Но такие ли еще таинственные вещи происходят в этих удивительных местах! Вы может быть не знаете, что маршал Чжан Цзо-лин жил около трех недель после своей смерти?

Невероятно, но факт!

На другой день после взрыва его поезда, при котором он погиб, было опубликовано официальное сообщение о том, что во время взрыва убит цицикарский генерал-губернатор генерал У Цзинь-шень, а сам маршал ранен и находится в своем дворце. Так как этому никто не поверил и в Харбине имелись уже достоверные сведения о смерти Чжан Цзо-лина, то 7 июня 1928 г. в харбинских газетах было опубликовано новое официальное сообщение за подписью главноначальствующего ОРВП генерала Чжан Хуан-сяна о том, что все слухи о смерти маршала ложны, что маршал только ранен при взрыве и что в состоянии его здоровья даже наступило некоторое улучшение. И этого оказалось мало: значительно позже, когда этому сообщению уже никто не верил, в газетах было опубликовано интервью с Чжан Цзо-лином некоего корреспондента, который был якобы допущен во дворец и видел там раненого маршала. В беседе с этим корреспондентом покойный маршал будто бы обещал своему возлюбленному народу быстро поправиться. Только через три недели после смерти Чжан Цзо-лина было наконец сообщено о том, что он убит. Это произошло тогда, когда после длительной торговли за маньчжурский престол, с разрешения японского начальства, сын Чжан Цзо-лина занял место своего папаши.

Так живет Южная Маньчжурия. Когда попадешь в ее пределы из так называемого ОРВП, т. е. попросту из полосы отчуждения КВЖД, картина меняется.

На КВЖД китайские генералы, пресмыкающиеся перед империалистами, превратились в «хозяев».

Их антисоветские выходки, избиения и аресты советских граждан, работников КВЖД, и попытка захватить эту дорогу — у всех в памяти. Потребовался кровавый урок спровоцированной ими войны для того, чтобы маньчжурские генералы соблюдали условия договора, ими же заключенного с единственным государством, отказавшимся от захватнической политики.

Ну, а рабоче-крестьянские массы?

Маньчжурия еще не стала такой ареной революционной борьбы, как Южный Китай. Но просыпаются и угнетенные массы Маньчжурии.

От истории не уйдешь. Грозным китайским генералам останется тогда утешаться старой холопской мудростью: за битого двух небитых дают.

Впрочем за них тогда не дадут и одного битого горшка.
